

Дан Берг

Богач Корах

18+

Дан Берг

Богач Корах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70096750

SelfPub; 2023

Аннотация

Корах, сказочно богатый счетовод фараона, отправился вместе с беглецами из египетского рабства в Землю Обетованную. Жена Орпа подстрекнула его взбунтоваться против начальника над народом Моше и захватить власть. Бедственные обстоятельства пустыни сыграли на руку Кораху, и он занял место Моше. Дальнейшие события повести кого-то из читателей разочаруют, а кого-то ублажат.

Дан Берг

Богач Корах

Глава 1

Случилось сия история в давние-давние времена. Многие из иудеев, живших на нильских берегах, были жестоко угнетаемы безжалостными фараонами, томившими их непосильным трудом. С Божьей помощью страдальцы задумали и, наконец, решились покинуть чуждый Египет и отправиться на добрую свою родину в Ханаан. Нестройными колоннами, уж как могли, шли беженцы в родные края.

Предстояло пилигримам преодолеть путь совсем невеликий, и посему не требовалось им чрезмерно много времени на дорогу. Однако на беду свою, в самом начале похода искатели счастья тяжело согрешили перед Господом, и за это Он покарал избранный Им народ сорока годами скитаний по дикой, безлюдной и суровой земле – пока не вымрет поколение, совершившее грех в глазах Его.

Присмотримся поближе к рутинной жизни отбывающего наказание племени. Не будем забывать, что равновесие души зависит не столько от важных событий и высоких помыслов, сколько от вещей обыденных. Горшок с мясом, горячая по-

хлебка и свежая лепешка многое меняют и заменяют.

Вот белое солнце пустыни поднялось над горизонтом. Удобно устроившиеся на песке камни, близкие холмы и далекие горы – все они разом сощурились под лучами утреннего светила. Зима выдалась недобрая. Ночные холода, колючий ветер, сушь, малохлебье.

Правды ради следует признать, что Бог не забывал о своих питомцах и посылал с небес пищу на иссохшую землю. Лепешки сияли белизной, как зимнее солнце, и вкус у них бывал отменный, медовый. Но не насыщались взрослые даром Всевышнего, а уж дети-то, известное дело, растут, и потому вечно голодны: им когда ни поднеси кусок – съедят всегда с жадностью, но не всегда с благодарностью. Вот и принуждены были переселенцы ковыряться в земле – хоть рад, хоть не рад, а надо!

В субботний день, однако, хлеб сверху не снисходил. Путникам полагалось создавать запас из двойного пятничного рациона. К несчастью, не всегда и не всем удавалось осуществить чудо сбережения, хоть и наслышаны были иудеи о славных деяниях великого предка их племени – одаренного мудростью Иосифа.

Божий дар назывался ман. Крепко запомнилось человечеству короткое это слово, а идея, в нем заключенная, навек полюбилась ему. И до нынешнего времени вспоминают люди с благоговением и вождедением о безмездной пище с небес.

Кроме пропитания переселенцам требовались и другие тривиальные вещи для поддержания здорового тела. Скажем, одежда, тепло, крыша над головой и прочее. Мудрые книги не оставили нашему поколению достаточно упоминаний об этой стороне дела. Впрочем, сие и не удивительно. Ведь главная задача тех древних иудеев состояла не в достижении телесного довольства, не слишком волнующего умы толкователей, но в самоисправлении и в устремлении к духовности, ибо былые грехи не пускали в рай Ханаана.

Утро святой субботы. Ручейки мужчин тянулись к большому молельному шатру, расположенному близко к скинии, то бишь к временному походному храму Господа. Места внутри шатра предназначались для персон важных, сановитых. Не успевшие пока занять высокое положение в иерархии общины, но имеющие намерение пробиться к вершине пирамиды, жадною толпой стояли у входа. Почет – вечная и заветная цель честолюбца, он неизменно будет стремиться к

ней, и никак не искоренить эту страсть из сердца его.

Люди простой веры молились на периферии лагеря, в удаленных от святой скинии шатрах. Они полагали, что Господь не придает значения достоинству и степенности места, в котором творится молитва. Якобы Бог слышит всех одинаково, ибо почет, устанавливаемый людьми для самих себя, есть суета для Него.

Беседа с Господом окончена. Участники ее направились к домашним шатрам. Укрыться от холодного ветра, согреться возле теплых со вчерашнего дня камней очага, а то и закусь, чем Бог послал.

Не все враз расходятся. Богомольцы низкого звания, что молились в отдаленных от скинии шатрах, разбредаются первыми. Амбициозные и приближенные к святости пилигримы терпят дольше, демонстрируя рвение.

Последними покидают большой молельный шатер братья Моше и Аарон. Высокие эти особы стоят во главе общины. Моше – начальник над народом, Аарон – первосвященник. Править, вести и учить они назначены Богом. Находятся, однако, среди важных обычников большого шатра и такие, которые обвиняют братьев в самозванстве и узурпаторстве.

Немало сторонников нашли себе обвинители. Заметим, что дерзкое инакомыслие и агрессивные деяния порицателей имели то положительное значение для потомков, что дали обильную умственную пищу мудрецам-толкователям.

Пожалуй, в этом пункте повествования загодя сообщим читателю, что перипетии раздора меж Моше и Аароном с одной стороны, и их противниками с другой, станут основным содержанием настоящей правдивой повести.

В сердцах переселенцев не ослабевал ропот против бедствий бесконечных скитаний. Временами брожение умов становилось настолько опасным, что выливалось в злые и язвительные вопросы к Моше и Аарону: “Зачем вы увели нас из Египта? Разве под властью фараона нам жилось хуже, чем в холодной и голодной пустыне?”

В ответ братья должны были терпеливо разъяснять людям великую миссию народа-избранника, втолковывать в незрелые головы преимущества свободы перед рабством, живописать великолепие ожидающей иудеев ханаанской земли, текущей медом и молоком, и так далее и тому подобное.

Труднее всего оказалось объяснить простому народу справедливость наложенной Всевышним кары – долгих сорок лет жестоких злключений. “За что, спрашивается? Ну, отлили

тельца из золота, нарушив устав Господень. Так ведь и сам первосвященник Аарон творил идола! Не доволен был Моше, а равно и Бог, что разведчики с сомнением высказались о достоинствах Святой Земли? А, может, правы были соглядатики?”

Попробуй-ка сладь с таким жестоковыйным человеком! Моше и Аарону приходилось уповать лишь на собственный разум и наставления Господа, ибо никак не могли они знать мудрых трактований драмы, в которой оба участвовали. В те далекие времена книги еще не были написаны, а будущие толкователи еще не родились.

Братья поневоле держали ухо остро, прислушивались к подозрительным шепоткам и неподдельно внимали гласу народа.

– Что думаешь о сегодняшней молитве, Аарон? – спросил Моше.

– День субботний, молились от души! – ответил Аарон.

– А настроение у людей?

– Смирненное и благостное. Одним словом, подобающее.

– Подобающе говори со мной, первосвященник! Смирение и благость оставь для паствы. Я начальник над народом, выше меня только Бог. Мне нужно знать всё так, как оно есть на самом деле!

– Понятно, Моше. У Кораха лицо было непроницаемым. Трудно догадаться, что на уме у него.

– Рядом с Корахом стояли закадычные товарищи его. По правую руку, Датан, по левую – Авирам и Бен Пелет – так, кажется. Ты ближе меня был к ним, видел их глаза.

– Был ближе, а глаз их не видел. Опустили очи долу.

– Тревожно мне. Глаза прячут – плохой признак.

– Знаю, опасны эти люди. Взбунтоваться могут. Тогда нам несдобровать.

– Почему так думаешь, Аарон? Говори! Первосвященник глядит прямо в души людей, несомненно ведаёт, чем дышит каждый из его друзей, а, равно, и врагов. Много ли сторонников у Кораха?

– Ты сам сказал, что начальнику над народом нужно знать всё, как есть. Готов выслушать неприятную правду?

– Да говори же, наконец, святоша!

– “Святошу” я тебе прощаю, а вот ты, памятозлобный, никак не простишь мне грех золотого идола. Побывал бы в моей шкуре! Сам-то на гору к Господу поднялся и вестей не подавал, а меня одного с диким человеком оставил!

– Ладно, брат. Бог рассудит. Докладывай, Аарон.

– В большом молельном шатре были наши противники и чуть-чуть сторонников. В большинстве своем сюда ходят молиться люди образованные, лицемерные. Ждут, чья возьмет – к тому и примкнут.

– Сидят на заборе, стало быть. Таким нет доверия. Кто слишком рьяно ищет почета при жизни, тот никогда не войдет в храм ее. А простой народ в какую сторону глядит?

– Простой народ к нам в большой шатер не ходок, у него для молитвы другие места имеются. Но настроения его мне известны, ибо полагаюсь я на донесения верных разведчиков.

– Не из-за верных ли разведчиков Бог наказал нас пустыней? Доверяешь им?

– Мои люди надежнее твоих, Моше. Работают на меня не за малопонятную им веру, а за честную мзду.

– Боже мой, и это я от первосвященника слышу! Пусть останутся твои богохульные слова между нами. Что же доносят тебе честные мздоимцы-соглядатаи твои?

– Доносят, что настроение в народе – половина на половину. Сколько за нас с тобой, столько и против нас. Но и те, что верят нам, тоже ропщут на тяготы каждодневные. Почему, кричат, нам целых сорок лет муки терпеть? Не хотим, говорят, в голой пустыне умирать, а желаем жить в волшебном краю ханаанском!

– Чем примечательна одна половина, а чем – другая?

– Недовольные, что за нас с тобой, были в Египте бедняками и работягами. Недовольные, что против нас – просвещенные середняки и богачи белоручки.

– Нашупал разные породы? Хвалю! Сообразно свойствам людей и наставляй их: каждому воздай по чину и достоинству его.

– Представь, Моше, я догадался сам!

– Объясни, Аарон, неясную мне вещь. Вот, скажем, бедняки направились в Ханаан. Их я понимаю: они лучшей судьбы ищут, рабов хотят иметь, господами надеются стать. Пророк – так тем свободу подавай. А богачи что? Им и в Египте как будто бы сладко жилось – они-то зачем потянулись за нами?

– О богачах говоря, ты, конечно, Кораха подразумеваешь. Это ясно. Замечу тебе, Моше – господами все без исключения желают быть, а что до богачей, то им, в Египте, как раз свободы и не хватало!

– Корах богат чрезвычайно. Значит, за свободой он подался?

– За ней самой! Богатство у него есть, и несметное. Чтоб силу золота почувствовать вполне, свобода требуется. Дай такому волю – он и власть добудет, и над людьми возвысится, и магнатом сделается!

– Прав ты, Аарон. Вот, возьмем, к примеру, нас с тобой – мы, скромно говоря, люди не самые бедные, в неге и довольстве жили на Ниле. А как с небес получили власть и вкусили ее очарование, так уж теперь и расставаться с нею не намерены.

– Не так громко, Моше! Твои откровенности не всегда к месту. Думаешь, на бараньей коже уши не растут?

– Уши? На бараньей коже?

– Да, братец. Стены-то у шатров мы из чего мастерим?

– Снова ты прав, Аарон.

– Довольно пугать себя, начальник. День сегодня субботний, для благости иудеям дан. Слуги стол накрыли. Закусим. Похлебка овощная только из печи, остыть со вчерашней трапезы не успела. И козлятина еще теплая.

– Давай-ка мы поедим сейчас мясного, вина пригубим. А сыр овечий с маслинами и молоко козье с лепешками пусть своего кошерного часа дожидаются. После вечерней молитвы употребим.

Исполнив задуманное и вполне насытившись, братья Моше и Аарон покинули шатер, вышли за кордон и стали не спеша прогуливаться. Беседуя, они говорили исключительно о духовном, ибо в субботу следовало избегать суетных тем.

Надышавшись чистым воздухом, начальник над народом и первосвященник вернулись к шатру и уселись поблизости, подставив лица полуденным солнечным лучам.

– Гляди, Аарон, какое солнце белое!

– Зимнее. А все же греет!

– Мне кажется, дымом запахло, – сказал Моше, потянув носом воздух.

– И правда, есть запах, – тревожно отозвался Аарон.

– Посмотри-ка вон туда, Аарон! – вскричал Моше, – видишь, над тем дальним шалашом серый дымок? Ветер его в нашу сторону несет.

– Беда! В субботу кто-то очаг затопил! На том краю лагеря верные нам бедняки живут. Всегда порядок соблюдали. Глазам своим не верю!

– Охранник, ко мне! – крикнул Моше, – отправляйся к шалашу, над которым дым вьется. Вели хозяину, чтоб с женой и детьми шел сюда. Скажи, Моше и Аарон желают с ними со всеми познакомиться.

Вскоре появились званые гости. Мужчина средних лет и с ним выводок ребятишек – которые постарше, а которые маленькие. Женщины среди пришедших не было.

– Здравствуйте, добрые иудеи! – радушно проговорил Моше, – рассаживайтесь на циновках.

– Как зовут тебя, милый человек? – поддержал Аарон ласковый тон брата.

– Шломо мое имя в народе израильском, а как звали меня в Египте – заставил себя забыть! – достойно ответил гость, – а вас, братьев я хорошо знаю: ты – Моше, начальник над народом, а ты – Аарон, первосвященник.

– С каким имуществом, Шломо, ты вышел из Египта? – поинтересовался Моше.

– Мы люди бедные, нет у нас багажа ни на подводах, ни за плечами... А у вас тут едой пахнет, не то, что в моем шалаше...

– Эй, слуга, принеси Шломо и деткам его чего-нибудь поесть! – скомандовал Моше.

– А зачем ты в Ханаан подался? – спросил Аарон.

– Как это зачем? От тебя ли вопрос такой слышу, Аарон? – изумился Шломо, – земля ханаанская медом и молоком течет! Всего вдоволь. Тамошние обитатели рабами нам будут, а мы – господами над ними. Иудеи станут в шатрах сидеть и учение Божье постигать. Довольно с меня в глиняных карьерах надрываться, да кирпичи для фараона обжигать! На легкий труд мы идем.

– Ты полагаешь, Шломо, что постигать учение Божье – это легкий труд? – поинтересовался Аарон.

– Все мы, простые рабочие, так думаем. А разве нет? Вот придем в Ханаан, обустроимся сперва. Потом станем собираться для учения в теплом шатре. На столах угощение, питьё. Ты, Аарон, или кто из учеников твоих, будете слово Божье молвить, а наше дело повторять за вами и заучивать!

– Есть у меня вопрос к тебе, Шломо, – перебил Моше мечтательную речь гостя, – вот, ты говоришь, что господином над ханаанцами станешь, а ведь они по доброй воле к тебе в рабство не пойдут! Что воевать тебе придется – догадываешься?

– Догадываюсь, Моше.

– Боишься, небось? – уколол Аарон.

– Избранному народу нечего войны бояться! Мы иудеи, и с нами Бог! Не допустит Он нашего осрамления. Ибо победа избранников Его – Его победа!

– А почему ты без жены пришел, Шломо? – решился на вопрос Аарон, – или овдовел?

– Неужется супруге моей, слаба она, да и питания дома не хватает.

– Мы с Моше будем молиться за ее выздоровление! – пообещал Аарон.

– Премного благодарены! – хором ответили Шломо и дети его.

– А есть ли у твоей семьи враги? – ни с того ни с сего поинтересовался Моше.

– Немного, но есть.

– Кто такие? – продолжал допытываться Моше.

– Голытьба, вроде нас. Чтобы завидовать нам – нет такого, ибо завидовать нечему, а просто сердца у них злые. Праведников из себя строят, говорят, мол, мы с женой уставом пренебрегаем, и детей безбожию учим. Вранье!

– А известно ли тебе, Шломо, какой день сегодня? – как бы невзначай осведомился Аарон.

– Право, насмешник ты, первосвященник. Кто ж в нашем стане не знает, что нынче святая суббота!

– А заповеди Божьи ты соблюдаешь? – строго прозвучал неожиданный вопрос начальника над народом.

– Все мы, в Ханаан идущие, блюдем закон.

– Почему же тогда ты в священный день субботний развел огонь в очаге? – грозно вскричал Аарон.

– Так ведь жена больна, холодно ей, последний хворост в очаг бросил!

– Шломо, ты грубо нарушил Божию заповедь! – возвысил голос Моше.

– Нарушил, чтобы душу живую спасти! Нельзя разве?

– Один пожалуется на холод в доме, другой подхватит, дескать, голодно ему, а третий скажет, мол, ноги мои босы. И поразит маловерие нестойкие сердца! Так за отговорками да за увертками народ Бога забудет! – возмутился Аарон.

– Эй, охранник, – гневным голосом позвал Моше, – отправь Шломо и выводок его в соседний шатер и двери за ними запри. Пусть посидят ночь и о жизни подумают!

Охранник увел испуганных гостей, вернулся за новыми указаниями.

– Слушай меня хорошенько, – строго обратился к стражнику Моше, – завтра ты с товарищами выведешь Шломо за границу лагеря. Доставишь туда врагов его. Объявишь во всеуслышание, что за нарушение субботы подвергается Шломо справедливой каре – смертной казни через побитие камнями. И пусть враги нарушителя забросают его тяжелыми глыбами на глазах детей его и, якобы, недужной жены!

– Не слишком ли ты крут, братец? – удивился Аарон.

– Пример Шломо – другим наука! На переломе судьбы наш народ. Пропадет он без моей твердой руки! – отрезал Моше.

Глава 2

Из предыдущей главы читатель несомненно вынес безрадостное впечатление о жизненных тяготах, свалившихся на плечи покинувших Египет иудеев. По обоюдному мнению начальника над народом Моше и первосвященника Аарона, беглецы сами виноваты в том, что Бог отмерил им сорок лет скитаний в пустыне. Такова цена духовной незрелости племени.

Несомненность вины беженцев, тем не менее, не охлаждает горячего сочувствия в отзывчивых сердцах наших современников, и последние истинно сострадают беднейшим и слабейшим из страстотерпцев. Умей мы справляться с проклятием необратимости времени, непременно протянули бы руку помощи попавшим в беду. Ведь сострадание к другому есть надежное эгоистическое чувство. Это способность увидеть в чужих несчастьях свои собственные бедствия, которых нам, скорее всего, не миновать.

Благополучные и сильные из пилигримов не испытывали невзгод благодаря своему золотому запасу прочности. Обобщая, заметим, что крепко стоящие на ногах люди, составлявшие энергичное меньшинство, являются обыкновенно затейщиками перемен, в то время как вдохновленный им бесчисленный простой народ эти перемены воплощает.

Так уж, видно, с древних времен повелось – выгоды переверотных okazji присваивают себе немногие высшие, а множеству неприметных добытчиков достаются сопутствующие перевероту убытки. Иными словами, тяготы жизни облегчить нельзя, но их можно переложить с одного плеча на другое – с сильного на слабое.

Пришло время ближе познакомиться с главным героем повести, а именно с Корахом. Что мы знаем о нем? Во-первых, он непримиримый противник Моше и Аарона, во-вторых, у него есть идейные союзники, и, в-третьих, Корах чрезвычайно богат. Каждое из названных обстоятельств заслуживает внимательного рассмотрения, каковое добавит нам правильного понимания характера упомянутой личности и ее роли в истории с исходом иудеев из Египта.

Итак, касательно Кораха мы назвали три значительных факта. Важнейшим из фактов для нас является богатство. Вернее, его происхождение. Постигание путей, коими пришел Корах к обладанию несметными сокровищами, прольет свет и на прочие решительные события его жизни.

Важно заметить, что Корах, как Моше и Аарон, принад-

лежал к колену Левия, то бишь Корах являлся левитом. Согласно Святому Писанию, главными занятиями сей привилегированной категории иудеев стало служение Богу и храму Его, а также исполнение всевозможных обязанностей, необходимых для поддержания доброго мнения Всевышнего об избранных. Поначалу сам Господь установил левитам их должностные функции. В последующие века перечень, содержание и смысл последних были существенно расширены и детализированы мудрецами.

Для поддержания физической жизни и духовной деятельности тружеников веры, Господом предусмотрено было, что иудеи прочих колен должны отдавать левитам десятую часть своих доходов. В придачу к обязательной повинности приветствовались любые добровольные виды щедрости – пожертвования, подаяния, всевозможные дары.

Идея оказалась удивительно удачной. Она великолепно работала в прошлом и поныне не утратила своей актуальности, изменивши форму, но сохранив суть. Практическая ценность ее состоит в том, что получающий налоги и подношения непременно становится надежной опорой постановителя сего узаконения.

Не умаляя значимости доходов левита, положенных ему по праву рождения, все-таки надо признать, что эти средства

не могли создать того сказочного богатства, коим обладал Корах. Да и в самом деле, от кого левит брал причитающееся ему? От иудеев! Среди последних в Египте хоть и встречались люди состоятельные, но, во-первых, достаточно редко, а, во-вторых, щедрость оных не выходила за рамки инстинкта самосохранения. Это означало, что в первую голову богач заботился о собственной казне, а что не помещалось в закрома – то искренно и задушевно, с неподдельной сердечностью отдавал на нужды Господа.

Десятина же основной трудящейся массы избранников Божьих, то бишь людей малоимущих, отличалась скудостью и нерегулярностью поступления. Следовательно, у Кораха с неизбежностью должен был иметься еще один источник обогащения – не иудейский. И таковой источник действительно существовал.

Корах состоял на службе у фараона. Он занимал должность писца, служил счетоводом. Не визирь, не приближенный к царственной особе, но простой труженик книги и цифры. Вернее, не книги и не цифры, а свитка папируса и витиеватых значков, изображающих количество.

Труд любого писца, и счетовода в частности, пользовался в те далекие от нас времена исключительным почетом. Ибо человек, знающий грамоту и арифметику, являлся ред-

костью на берегах Нила и был весьма уважаем в среде высшего египетского истеблишмента.

Профессию свою Корах приобрел от отца, научившись он него мастерству письма и счета. Родитель не скупился на затраты и дал сыну прекрасное образование. Отец Кораха тоже служил счетоводом при дворе фараона и, согласно традиции, унаследовал сей род занятий от своего отца, то бишь, деда Кораха, а тот – от его отца, и так далее до глубокой древности. Иными словами, счетоводство являлось семейной специальностью, или, если угодно, природной склонностью.

Тут кое-кто может подумать, что Корах, который по роду своих занятий был посвящен в приход и расход несметной фараоновой казны, злоупотреблял своими знаниями, крал у монарха и так составил свое огромное состояние. Ничего подобного! Непрочность положения иудея в правящей элите побуждала нашего героя к абсолютной честности. Старшие, а также равные в иерархии коллеги-египтяне присматривали за ним в оба, ибо нельзя безоглядно доверять человеку двойной лояльности. Поневоле простой счетовод Корах отличался образцовой безупречностью в делах.

Монархи древнего Египта традиционно очень высоко ценили труд тончайшего слоя интеллигенции в своем окружении. Поэтому даже рядовой сотрудник, каковым являлся Ко-

рах, получал от фараона весьма высокое содержание.

Таков был второй, не иудейский источник благосостояния Кораха. Да, именно благосостояния, а не богатства. Потому что всем и каждому известно, что никакой наемный труд, пусть даже вознаграждаемый по высшему разряду, не сделает человека богатым, как Корах.

Из этого простого жизненного факта с неизбежностью следует, что должно было существовать еще одно, третье по счету, секретное и самое важное средство сказочного обогащения Кораха. Здесь нам не обойтись без ретроспективного взгляда в прошлое, дабы в глубине веков отыскать тайну нашего героя.

За два века (а, может быть, и более!) до появления на свет Кораха, сложными путями попал в Египет молодой Иосиф, любимый сын праотца Якова. История Иосифа с документальной точностью изложена в Библии. Его славный жизненный путь безусловно известен всем без исключения, а если что-то случайно забыто, то, взяв настольную книгу Библии, любой читатель освежит в памяти волнующие подробности.

Настоящая повесть не ставит себе целью повторять обще-

известные вещи. Тем не менее следует упомянуть, что своими недюжинными талантами Иосиф заслужил пост главного казначея фараона. Являясь столь важной государственной фигурой, хранитель ценностей не только управлял приходом и расходом сокровищ, но, и надежно сберегал их в подходящих потаенных местах. Здесь заметим, что Иосиф был кристально чист перед монархом, и все нажитое и завоеванное египетским владыкой попадало исключительно в царскую казну. Никогда и ничего не прилипало к рукам некоррупцированного распорядителя богатств.

Иосиф располагал изрядным штатом писцов и счетоводов. Одним из счетоводов был далекий предок Кораха. Работником тот был честным, под стать своему господину.

По достижении возраста ста десяти лет Иосиф скончался. Управление казной перешло к заместителю выдающегося иудея, египтянину, не столь щепетильному в делах чести, каковым слыл его легендарный принципал.

Говорят, мол, по пастырю и овцы. Произшедшая с предком Кораха метаморфоза подтвердила справедливость настоящего суждения. Сей счетовод знал места хранения фараоновых богатств. С приходом нового казначея верный служака уже не чувствовал себя обязанным хранить государственную тайну. Место сбережения царских сокровищ (в пустыне,

в трех подземельях) он по великому секрету сообщил сыну, будущему наследнику семейной профессии. А тот уведомил своего отпрыска, и так далее, и так далее, пока тайна не открылась Кораху. Попутно зададимся вопросом, а не является ли сокрытие обманом?

Никто из предков Кораха не осмеливался использовать свою осведомленность ради личной корысти. Важное знание они носили в себе и только передавали эстафету поколений. Каждый из них полагал, что не наступил еще его звездный час, а поспешность казнью чревата.

Да и сам Корах был осторожен и поступал так же, как и его предки. И только когда Моше и Аарон объявили о скором исходе из Египта, последний иудейский счетовод фараона решился на отчаянный шаг. Накануне марша он вместе со слугами проник в одно из подземелий, нагрузил мешки и сундуки с сокровищами на запряженные тремя стами мулами подводы и затесался в середину колонны.

Узнав, что часть его богатств украдена, фараон с войском бросился вдогонку за иудеями. Он намеревался подвергнуть своего вчерашнего счетовода Кораха жесточайшей расправе. К счастью для беглецов, в кульминационный момент исхода вмешался Бог. По Его воле расступилось Красное море, и иудеи благополучно прошли по дну. После сего чуда морские

воды вновь сомкнулись и поглотили армию египтян.

Надо полагать, что Господь действовал не ради спасения одного только Кораха, но для пользы всего избранного Им народа. Тем не менее Божья милость отменно послужила и бывшему счетоводу фараона.

Итак, мы выяснили тайну обогащения Кораха. Как и следовало ожидать, фантастическое богатство его имело криминальное происхождение. Столетиями позже нашелся мыслитель, изрекший обобщающее соображение, что, мол, всякий богач есть либо мошенник, либо наследник мошенника.

Идея была подхвачена, и некий другой мудрец отметил, что тайна крупных состояний сокрыта в преступлении, но оно забыто, потому что чисто сделано. Возможно, вторая часть последнего утверждения не имеет отношения к Коруху.

Глава 3

Попытаемся взглянуть на обстоятельства во всей их непростой и, если быть до конца откровенным, неприглядной полноте.

Вышедши из Египта, иудеи направились в Ханаан. За сравнительно короткое время пилигримы успели совершить

два серьезных преступления пред Господом. Начальнику над народом Моше удалось смягчить гнев Бога мольбами и клятвами, и Он великодушно простил своим избранникам сотворение золотого идола. Прощая слабого, сильный становится еще сильнее. Ведь сердце Всевышнего – это почти безмерная глубь, на дне которой неизменно найдется прощение.

Давайте встанем не почву реальности: терпение Господа не беспредельно. Недостойное поведение лазутчиков, посланных разведать Святую Землю, а затем трусливо и бесчестно опорочивших ее, не было прощено Всевышним. Доколе извинять можно? Простив проступок – побуждаем к худшему. Так и вышло!

Туманят едкими слезами взор наш, мучительно терзают души современников невеселые итоги начала исхода. Вот эти итоги: племя обречено на долгие сорок лет скитаний в бесплодной пустыне, а всё старшее поколение лишено права вступить на землю родины. Тут поневоле предположишь, что, того и гляди, овладеет сыновьями порочное желание скорой смерти отцам. Говорят, пробный камень доблести – это бедствия. Неизбежно признать, однако, что действие оных губительно.

Продолжим трактование сложившихся обстоятельств. Тяготы скитаний коснулись всех беглецов, но в слишком раз-

ной степени, чтобы не укрепить зависть бедных к богатым, а слабых к сильным. Муки неустроенности и обманутые ожидания умножили нелады меж бедными и бедными, слабыми и слабыми. Чрезмерная отсрочка счастья удобрила почву вражды богатых с богатыми, сильных с сильными.

Сердца родных братьев Моше и Аарона наполнились тревогой. Самим Господом оба они были поставлены над народом: один в материальной, другой – в духовной сфере. Но достойные сожаления инциденты, случившиеся с паствой, убавили уверенности в их душах, и земля под ногами перестала казаться им незыблемой. Ничего не поделаешь – неуверенность, тревога и забота – наш удел. А можно и по-другому сказать: именно так и случается, когда одни грешат, а другие за них каются.

Выражаясь современным языком, социальная напряженность в стане беженцев подошла к опасным пределам. Такое положение чревато бунтами, кровопролитием, незаконными действиями и прочими катаклизмами.

Заметим к слову, что начальник над народом Моше и первосвященник Аарон слыли людьми не бедными. Кроме них в иудейском стане жительствоваали еще несколько золотых мешков. Умеренное имущественное неравенство в общине возбуждало ропот, который, однако, мог бы быть приглушен,

будь он вовремя услышан. Однако, говоря общо, нам следует признать: принимая неизбежность неравенства, мы даем шанс бесчинству самовластия.

К несчастью, присутствие среди беглецов феноменально богатого Кораха стало проклятием для беспокойного сообщества. То был дремлющий вулкан, готовый в любую минуту исторгнуть из своего нутра обжигающую, зловонную, несущую бедствия смертоносную лаву вражды всех со всеми. Случись извержение мнимо спящего вулкана – и братоубийственной войны было бы не избежать.

Воспитанный с детства на идее безусловного превосходства секретности над открытостью, приученный опасаться злобы врагов и зависти друзей, Корах старался скрыть до поры до времени факт своего внезапного обогащения. Оказавшись в пустыне, он первым делом побеспокоился о надежном тайнике, куда и запрятал свои сокровища.

Корах не болтал языком о своем богатстве, не хвастался перед менее состоятельными товарищами по скитальчеству. Корах уповал на то, что правда сама найдет путь наружу, и слух о его баснословном состоянии непременно распространится в народе.

Сокрытие истины порождает горы лжи. Меж собою люди станут горячо обсуждать его богатство, приукрашивать и раздувать, но никто не решится первым заговорить с ним об этом. Будут молча завидовать, гадать, откуда что взялось, подозревать в Корахе чудесную силу и, главное, бояться его. Ради последнего стоило умерить тщеславие, сомкнуть уста и терпеть молчание лет этак сорок.

В своем расчете на въедливую силу слухов Корах не ошибся. По косвенным признакам он понял, что народ посвящен в его тайну. Последней проведала о сокровищах мужа его жена Орпа. Удивительно, что женщина не оказалась в числе первых. Тем не менее сие есть доказанный исторический факт.

Нельзя исключить, что Орпа всё знала, но по некоторым, только ей известным соображениям, не обнаруживала своей осведомленности. Как бы там ни было, однако, иудейский фольклор настаивает, будто бы жена Кораха была глупа. Такое утверждение удачно вписывается в трактовку дальнейших событий в стане беженцев.

– Заходи, Корах, не прячься за дверью! Милости прошу, дражайший муженек, – крикнула из глубины шатра Орпа.

– Вот он я! Узнаешь, женушка? – воскликнул Корах храбрым голосом, внутренне содрогаясь от страха.

– Боже мой! На тебя напали разбойники? Что они сделали с тобой?

– Никто на меня не нападал! С чего это ты взяла? Да и какие тут в пустыне разбойники? А если и есть, то к чему им нападать на бедняка вроде меня?

– О твоей бедности разговор у нас впереди. А пока объясни толком, где твои волосы, и почему ты превратился в урод?

– Прошу выбирать выражения, женщина!

– Отвечай, кто оболванил тебя!

– Не оболванил, а постриг!

– Хорошо, кто постриг?

– Моше!

– Зачем? Он хочет выставить тебя людям на смех, что ли?

– Не забывай, Орпа, что твой муж – левит! Скоро придет моя очередь нести службу в скинии. Всякий входящий в храм Господа должен быть подобающе острижен.

– Перестань меня дурачить, Корах! Я докопаюсь до истины!

– Я истину тебе говорю, Орпа! Нельзя входить в храм заросшим, словно баран.

– Смешно и страшно глядеть на твою лысую голову!

– Небось левитовой моей десятине ты рада, и от подношений не отказываешься. Лысина – неизбежная плата!

– О, Боже! Тебе руки, ноги, грудь – все ободрали!

– Зато, душечка, я теперь гладкий! – пытался отшутиться Корах.

– Шутки твои не гладкие! Как я любила этот пушок! Прижмешься, бывало – и такая приятность делается! А теперь что? Мерзость и позор!

– Тихо, сластолюбвица! Люди могут услышать. Всякая новизна к лучшему!

– Ладно, посмотрим. А теперь поговорим о твоей бедности.

– Отчего не поговорить? Можно и об этом покалякать.

– Дошло до меня, что у тебя спрятан в пустыне огромный клад!

– Дошло, наконец-то? Как говорится, жена всегда узнаёт последней!

– Оставь свои грязные намеки! Рассказывай, откуда и сколько!

Будучи уверенным в неспособности женщины держать язык за зубами и не болтать лишнего, Корах не стал доверять Орпе правду, но предпочел сообщить всё, кроме правды. “Жена, конечно, наслушается сплетен на стороне, – подумал Корах, – но моя обязанность, как мужа и хозяина семьи, вдолбить в бездумную бабью голову нечто простое и понятное. Пусть она примет за действительное мною желаемое. Сохранение тайны в тайне никогда не повредит владельцу тайны”.

– Ты задала мне, женушка, два коротких вопроса и полу-

чишь на них два коротких ответа, – строго предупредил Ко-
рах.

– Не размазывай кашу по чашке! – бросила Орпа.

– Отвечаю на первый вопрос – откуда у меня богатство? Накануне нашего выхода из Египта фараон наградил меня за самоотверженный счетоводческий труд. Ясно?

– Ясно.

– Отвечаю на твой второй вопрос – сколько добра мне подарено? Три мешка семенной пшеницы и сундучок с драгоценными камнями. Ясно?

– Ясно. А почему люди рассказывают о несметных сокровищах?

– Я не намерен отвечать на новые твои вопросы и не собираюсь опровергать ложь ничтожных завистников!

– Я видела, как ты присматривал в пути из Египта за тремя сотнями тяжело нагруженных ослов! Что бы это значило?

– Ты вечно за мной подглядываешь, ревнивица! Откуда мне знать, чем были нагружены ослы? Думаю, везли они ма-

териал для постройкн скинии.

Плавный ход супружеской беседы был прерван внезапным появлением юной Адасы, дочери Кораха и Орпы.

– Адаса, ты входишь в родительский шатер без предупреждения. Мало ли о чем могут говорить мать с отцом! – назидательно произнес Корак.

– Виновата, батюшка, не серчай и прости, мне не терпится поделиться своей скорбью с тобою и с матушкой! – смиренно ответила Адаса.

– Ах, Корак, не слишком ли ты строг к дочери? – запротестовала Орпа.

– Я строг, но справедлив!

– Знаю: отец мой добр при всей строгости своей и справедлив! – поддакнула Адаса.

– У тебя красные глаза, девонька! Случилось что?

– Я всю ночь очей не сомкнула и горько плакала, матушка!

– Что болит у тебя? Животик, головка? – встревожилась Орпа.

– Душа болит, матушка!

– Отчего это у такой молодой девицы душа болит? – удивился Корах.

– Я полюбила, и я любима, но нет надежды! – пролепетала Адаса и не сдержала рыданий.

– Утри слезы, бедняжка! – сострадательно воскликнула Орпа, протягивая дочери свой грубой ткани платок, – расскажи нам с отцом, кто он, твой принц?

– Он и вправду наследный принц, – пробормотала Адаса.

– Откуда он, где видалась с ним? – строго спросил отец.

– Он сын царя. Отец его правит страной, что возле Ханана. Мы, кажется, направляемся в те самые края?

– В те самые, в те самые! А где видалась с ним, и что было меж вами? – не сдержала нетерпения Орпа.

– Гуляла с воспитательницей, отошли немного от лагеря, а тут охотники чужие. Во главе ватаги прекрасный юноша на коне. Увидал меня, глаза его загорелись, сказал, что полюбил с первого взгляда и хочет взять в жены. Но отец разрешит ему жениться только на царевне или дочери начальника над народом. Что мне делать теперь – не знаю!

– Как зовут того охотника? – полюбопытствовал Корах.

– Не успели познакомиться, – ответила, покрасневши, Адаса.

– Сколько лет Адасе? – обратился Корах к жене.

– Четырнадцать, отец нерадивый! – сердито бросила Орпа.

– Радивая матушка твоя знает, можно ли тебе, Адаса, замуж, – проворчал Корах.

– Ей можно! – выкрикнула Орпа, – отправляйся к себе, Адаса, нам с отцом надо кое-что обсудить – не для твоих ушей это!

Всхлипывая, девица послушно покинула родительский шатер. Супружеская беседа продолжилась, обретая кон-

структивные черты.

Корах с ясностью осознал, что не миновать ему наисерьезнейшего разговора с разбушевавшейся супругой. Он догадывался, куда подует ветер – не иначе Орпа станет подталкивать его к бунту против Моше и Аарона. Мысли эти приходили ему в голову и без подсказки жены, ибо он все чаще задумывался о необходимости исправить несправедливость судьбы. А тут еще и Адаса затесалась со своими бабьими причудами. Будет жарко. Предчувствие не обмануло Кораха.

– Корах, дорогой, ты ведь благородного происхождения, левит, не так ли? – задала невинный вопрос Орпа.

– Тебе это известно не хуже меня. Все цветные камушки, что мне, как левиту, подносят, себе на украшения прибираешь! К чему ты клонишь? – спросил Корах.

– К тому клоню, что тебя, левита, народ почитает. Обязан почитать.

– Допустим.

– У тебя богатства имеются несметные, верно?

– Я уж всё сказал тебе о своих сокровищах! Врут люди, раздувают из зависти, из комара слона делают!

– Так я тебе и поверила!

– Дерзишь, женщина!

– Богатство любят и уважают, а богатых боятся и спину перед ними гнут!

– Допустим.

– Ты у фараона был на хорошем счету, недаром награду от него получил!

– Ну-ну... Что ты этим хочешь сказать?

– А то хочу сказать, что в головах иудейских страх перед царем египетским до сих пор жив, стало быть, к тебе, как награжденному самим фараоном, отношение снизу, сбоку и сверху – трепетное!

– Допустим.

– Помнишь, Корах, рассказывал ты мне свой сон, будто

внуки твои станут пророчествовать в народе?

– Было такое. Верю, будут у меня мудрые потомки!

– А ведь люди-то превозносят не только пророков своих, но и предков этих мудрецов!

– Допустим.

– А не заметил ли ты, любезный Корах, по-доброму ли наши иудеи-беглецы настроены к братьям Моше и Аарону?

– На твою пронизательность рассчитываю, Орпа.

– Ропот поднимается в народе на вождей тонкошеих, не довольны жизнью люди!

– Допустим.

– А разве не любишь ты дочку нашу, Адасу? Не желаешь ей счастья?

– Люблю и желаю! Не меньше твоего, Орпа!

– Допустим.

– Что ты, женушка, всё твердишь допустим, да допустим!

– Это не я, а ты, твердишь, муженек!

– Допустим.

– Чтобы наша Адаса по любви замуж вышла, тебе надо сделаться начальником над народом. Сам ведь слышал!

– Допустим. Вернее, слышал.

– Всё к одному сходится, Корах! Оттесни негодного Моше, займи место его. Думай и борись! Борись и думай!

Глава 4

Обстоятельства, в которых оказались бежавшие от фараона иудеи, никак нельзя было назвать завидными. Египет, родина-мачеха, покинут, а Ханаан, родина-мать, хоть и рукой подать до него, да десятки лет терпеть надобно, покуда удостоятся беглецы войти в Святую Землю.

Почему счастливый миг возвращения отсрочен на столь долгое время? Да потому, что тяжело согрешили избранные Божьи в глазах Его, и сурово наказаны Им сорока годами скитаний в пустыне.

Помимо испытаний телесных, люди томилась обреченностью на пытки духовные, ибо Господом была возложена на них архитрудная миссия – совершенно переиначить себя. Что может быть мучительнее самоперевоспитания собственной души?

Самим становиться иными и одновременно возвращать одухотворенное, проникнутое внутренним светом потомство – вот сверхзадача, поставленная перед незадачливыми грешниками.

Какое же воздаяние ожидало поколение беглецов? Награда их – быть погребенными в песчаной пустынной земле. Утешением и ободрением могла служить неколебимая вера в правоту Божьего замысла. Уместно сюда прибавить и новую гордость, что, возможно, возникнет от исправления порчи.

Люди жили с трагедией в сердце. Ясно и отчетливо понимали они, что не дождаться им сладкого мига возвращения на родину, ибо многим ли посчастливится дойти до конца пути длиною в сорок лет? Известно, однако, что даже сознающий свою обреченность на гибель, всё равно надеется на чудо в последний момент.

Из реляций разведчиков Святой Земли выходило, что не войти в вожделенный Ханаан без суровых боев и горьких по-

терь. Значит, и для потомков нынешних беглецов возвращение на родину не будет легким и бескровным. Вот почему невольно закрадывается подозрение, что опальные отцы испытывали мстительные чувства к более счастливым сынам.

Вышедши из Египта, не раз и не два вопияли иудеи: “Лучше нам служить египтянам, нежели умереть в пустыне! В Египте мы сидели у горшка с мясом, мы ели хлеб досыта, а пустыня уморит нас голодом!” Означали ли эти крики намерение беглецов вернуться? Навряд ли. Ясность вчерашнего дня казалась страшнее смутности дня завтрашнего.

Разговор с Орпой стал последней каплей, переполнившей чашу негодования Кораха. “Пора положить конец власти Моше и его братца! – убеждал себя Корах, – прочь трусливые сомнения, настало время действовать!”

“Почему не я, а Моше – начальник над народом? Моя казна тысячекратно полнее, чем у него! Кто богаче – того и власть! Разве не так ведется меж людьми?”

“Почему слово Божье несет иудеям некий Аарон? Потому что он брат Моше? Довольно с нас кумовства! Разве не левит я, чтобы по праву восседать на престоле первосвященника?”

“Соединение в одной воле двух властей – земной и небесной – да это же всеобщее и безмерное народное благо! Запросто удержу оба скипетра! Могучи мышцы, тверды кости, прочны суставы – таково тело мое. Ум полон великих замыслов. Угожу Господу, совладаю с чернью, насыщусь владычеством!”

“Одному мне с Моше не справиться. Нужны союзники. Люди уважаемые, чтобы чернь за ними потянулась. Из разных колен залучу пособников. Сам в народ пойду. Выражу сочувствие, проявлю понимание, раздам обещания. Глядишь, и понравлюсь – завидовать станут меньше, а доверять – больше!”

Весть о расправе над нарушителем законов субботы быстро распространилась в лагере беженцев. Враги Шломо, движимые разными мотивами – у кого что – жестоко казнили его, побив камнями. Торжествовал древний кровожадный обычай коллективного и публичного убийства.

Добровольные энтузиасты-палачи, то бишь поборники благочестия, ходили с гордо поднятой головой: “Мы сделали святое дело, мы – соль земли и небесное воинство, бойцы ар-

мии спасения веры!” – бодро говорили они себе и друг другу. Исполнители приказа Моше снискали одобрение и даже восхищение одних, зависть и недоверие других, презрение, а то и враждебность – третьих.

Корах решил, что подготовительный этап повстанческой кампании следует начать с визита в дом казненного Шломо. Соблюдая устав Божий, семья покойного сидела на полу – семь дней траура по усопшему. Даже Михаль, недужная вдова убиенного, нашла в себе силы встать с ложа немочи и усесться рядом с сыновьями-подростками, облокотившись спиною на камни холодного нетопленного очага.

– Соболезную. Мое сердце с вашими сердцами, – тихо проговорил вошедший Корах.

– Спасибо, добрый человек, отозвалась Михаль слабым голосом.

– Где волосы твои, добрый человек? Тебя обрили разбойники? – робко осведомился старший отрок.

– Пожалуй, что разбойники, да только не те, о которых вы подумали, – ответил Корах с намеком на новые расспросы.

– Как звать тебя? – тихо проговорила Михаль.

– Корах я.

– Тот самый богач, у которого несметные сокровища в пустыне спрятаны? – недружелюбно спросил отрок.

– Не верьте злым слухам. Я вовсе не так богат, как обо мне враги болтают. А вы-то уж точно знаете, на что враги способны!

– Ты левит, Корах, – заметила Михаль, – и обрили тебя, потому как предстоит тебе службу в скинии нести.

– Не скрою, так и будет. Я подниму людей на молитву за спасение бедных. Я друг народа, не сомневайтесь во мне!

– Объясни нам, друг народа, разве правильно отца казнили? Ведь он преступил закон субботы для спасения души – наша матушка умерла бы без тепла! Стало быть, ничего он не нарушил! – со слезами на глазах произнес старший отрок.

– Ты прав, мой мальчик! Это Моше преступил закон Господа. Хочет он беспощадной жестокостью своею удержать власть над племенем. Не выйдет! Я стану первосвященником и докажу народу, как бесконечно добр наш Бог!

– Когда это еще случится? – всхлипнула Михаль, – а сейчас-то как мне самой жить, как добывать пропитание для малых детушек?

– Мне кажется, хворь твоя отступает, не так ли? – спросил Корах.

– Не имею я права на недужность! – ответила Михаль, – минуют траурные дни, и возьму в руки соху и серп.

– Бог в помощь семейству твоему – провозгласил Корах, – я не забуду ни о тебе, ни о детушках твоих. И других вдов и сирот я не оставлю без милости. Вспомни, ведь не только враги, но и друзья были у Шломо. Расскажи друзьям обо мне. Пусть они и моими товарищами станут. Если много нас соберется, мы свергнем жестокого Моше и вернем иудеям радость и надежду. Набирайся сил Михаль. К вечеру посыльный мой принесет в твой дом хворосту, хлеба и сыра. Пока прощайте.

Неподалеку от шатра Кораха разместились походные прибежища беглецов из колена Реувена. Еще в египетские времена наш герой знал некоторых из этих людей: скажем, Датана, Авирама, Бен Пелета. Сейчас в пустыне Корах жил с

ними по соседству.

Корах знал о настроениях в колене Реувена. Кое-кто из верхушки был решительно не расположен к власти Моше и Аарона, полагая последних земными узурпаторами, а не небесными посланцами. Якобы эти два брата, то ли по деспотичности своей, то ли по неразумию, обрекли иудеев на многолетние страдания в пустыне. Простой же народ реувенский верил словам повелителей и не обременял себя сомнениями. Лояльность освобождала от труда думать.

Не следует упускать из виду и того, что антагонисты сильного мира презрительно относились к колону Левия, ибо завистливые очи недовольных не могли равнодушно взирать на несправедливое, по их мнению, отделение десятины левитам. Из этого факта следует нетривиальность задачи, которую поставил перед собой Корах, вздумавший привлечь на свою сторону Датана, Авирама и Бен Пелета.

– Мир вам, лучшие люди колена Реувена, – отчеканил Корах, входя в шатер, – рад, что застал вас всех троих вместе!

– Мир и тебе, незнакомец, – произнес Датан.

– Проходи, садись, будь гостем, – дружелюбно добавил Бен Пелет.

– А кто ты таков, пришелец? – спросил Авирам.

– Побойтесь Господа, вы забыли вашего старого египетского знакомца? – недоуменно воскликнул Корах.

– Господа мы боимся, – ответил Датан, – а тебя не знаем.

– Или не узнаём, – заметил Бен Пелет.

– Не скрывай от нас имя свое, коли ты друг нам, – потребовал Авирам.

– Корах я!

– Кораха-то мы помним, – сказал Датан, – но где же густая борода твоя?

– Обрили ее! – крикнул Корах.

– Кто посмел лишить иудея бороды? – возмутился Бен Пелет?

– Не иначе, в лапы к разбойникам попал? – предположил Авирам.

– Моше и Аарон сотворили это, – ответил Корах на привычный вопрос.

– Теперь понятно! – ты ведь левит, должно быть, приближается твоя очередь нести службу в скинии! – догадался Датан.

– Я левит, и долг мой служить Господу, – гордо заявил Корах, – но я намерен играть на своей лютне, и нет мне дела до первосвященника нашего!

– Начнешь роскошествовать на десятину, что берешь с нас! – предрек Авирам.

– На языке “Бог”, а на уме казна припрятанная! – добавил Датан.

– Послушайте меня внимательно, друзья! – возвысил голос Корах, – во-первых, не слишком-то пороскошествуешь на тощую десятину с беглецов в голодной пустыне, а, во-вторых, всё, что получу – отдам на пользу Господа, а себе – ничего!

– Любезный Корах! Скажи, не таясь, сокровища-то свои, что скрываешь неведомо где, тоже Господу пожертвуешь? – спросил Бен Пелет.

– Вы – умные люди, не верьте слухам и не опьяняйтесь завистью! Нет у меня сказочных кладов! А что есть у меня – и совсем не много этого – всё назначу беднякам. И соратников будущих не забуду.

– Каких еще соратников? – полюбопытствовал Бен Пелет.

– В вас я вижу будущих соратников. Я хочу изгнать из среды нашей обманщиков Моше и Аарона. Разве не положена нам, иудеям, справедливая власть? Вы трое – лучшие и достойнейшие люди из колена Реувена. Вместе станем сражаться!

– Можно ли верить ему? – вскричал Датан, – как думаете, Авирам и Бен Пелет?

– Нет ли здесь ловушки какой? По пути ли нам с ним? Волк коню не свойственник! – бросил Авирам.

– А мне кажется, мы можем поверить Кораху, – задумчиво произнес Бен Пелет. Испытаем этого левита.

– Я называю вас троих друзьями, потому что верю вам, и вы мне верьте!

– Чего именно ты хочешь? – спросил Датан, – говори ясно и называй вещи однозначно!

– Хочу лишить полномочий Моше и братца его. Я возьму в свои руки начальствование над народом вместе с первосвященством. Люди облегченно вздохнут под моею разумною властью. Колено Реувена с вами во главе будет первым среди колен израилевых. Я стану левитом не для себя, но для Бога. И Он поможет нам, и простит нас, и отменит свой приговор, и мы войдем в родной Ханаан и напоим наши легкие воздухом родины! Вы слышите: не только сыны наши, но и сами мы успеем надышаться свободой!

– Датан просил тебя говорить ясно и однозначно. Не больно-то ты следовал его просьбе! – возразил Авирам.

– Что не ясно тебе, Авирам? Спрашивай, я разьясню.

– Ясно, что ты вожделеешь власти, мечтаешь о первосвященстве и намерен занять место начальника над народом, – сказал Авирам, – но что значит стать левитом не для себя, а для Бога? Вот что не ясно!

– Это значит, что я положу конец разорительным поборам, а справедливая десятина целиком уйдет на постройку храма Господа, вот только войдем в Ханаан!

– Почему ты уверен, Корах, что Всевышний отменит наказание и избавит нас от сорока лет скитаний в пустыне? – задал Бен Пелет непростой вопрос.

– Если мы дружно, вы слышите – дружно, то есть все вместе, восстанем против самовластия и кумовства, тогда нетерпимый к пороку Господь непременно должен будет оценить по достоинству наши благородные устремления, и Он поощрит нас великодушным прощением, – парировал Корах.

– По-твоему, Он должен? – лукаво усмехнулся Датан.

– Всевышний – и вдруг что-то должен? – добавил Авирам.

– Я оговорился. Не Он, а мы должны. Прежде всего мы обязаны верить Ему и в Него. С верой победим!

– Допустим. Однако отмена наказания хоть и ясна, но не однозначна! – заключил Авирам, – стало быть, небезупречны доводы твои!

– Небезупречны доводы мои, что верно – то верно! Но ведь и вы, друзья любезные, небезупречны. Небось, не возражили мне, когда сказал я, что колено Реувена будет главным среди прочих колен израилевых, а вы, трое, коли под-

держите меня, станете главными среди главных!

– Не попрекай, Корах! Сам знаешь – награда положена не только тебе, но всем победителям. А если выходит награда одному – то получается это непременно за счет другого! – глубокомысленно заметил Бен Пелет.

– Помнишь ли ты, Корах, – спросил Датан, – как разведчики Земли Обетованной сказывали, будто неодолимо прочно укреплен Ханаан, и защитники его воинственны весьма? Стало быть, чтобы войти в землю сию надобно воевать, и многие из наших сложат головы. Ты умолчал о предстоящей нам войне!

– Вы не малые дети и сами без слов моих разумеете, что сладкий кусок сам в рот не залетит – бороться надобно! – отрезал Корах, – не за маловерие ли Господь наказал нас? Будем же делать свое дело – угождать Ему и не разочаровывать Его! Только под моим водительством добьемся свободы! Присоединяйтесь ко мне, достойнейшие люди колена Реувена!

– Корах нам грубо льстит! – заметил Датан.

– Не знаю, доверяться ли ему, – усомнился Авирам.

– Дадим ему шанс, – сказал Бен Пелет, самый покладистый из троих, – поддержим Кораха. Соблазнительны речи его. Ошибемся – хуже нам не будет. Некуда хуже.

На этом Корах закончил непростое дело наущения. Про себя он посмеялся над Бен Пелетом, полагавшим, по наивности, что им троим хуже не будет, если ошибутся. Корах претотлично знал жестокость Моше и непримиримость Аарона. Однако цель приобретения союзников была достигнута – чего же еще?

Далее Кораху предстояло нанять сторонников из других колен. Он избирал самых состоятельных и потому почитаемых в народе. Ведь этим людям назначалось стать агитаторами – функция сложная, требующая легкости языка и гибкости ума. Корах склонил на свою сторону двести пятьдесят человек и решил, что славное начало положено, и вскорости можно будет приступить к открытой борьбе.

Глава 5

Корах сравнительно легко привлек на свою сторону реуенцев Датана, Авирама и Бен Пелета. Двести пятьдесят иудеев из других колен израильских тоже с пониманием отнеслись к идеям Кораха и обещали поддержать его в борьбе

с братьями Моше и Аароном.

Достаточно очевидна причина, по которой будущие мятежники решились пойти за претендентом на абсолютное владычество. Попросту говоря, эти люди были решительно не согласны с властями и полагали, что установившееся в лагере беженцев правление наносит ущерб их жизненным интересам. Ожидаемые выгоды от исправления несправедливости перевешивали страх последствий возможной неудачи бунта.

Хотя движущий мотив заговорщиков вполне ясен, но не так-то просто ответить на вопрос, почему именно эти люди первыми выразили готовность присоединиться к Кораху? Частичный ответ дают углубленные исторические исследования затронутого нами древнего периода человеческой истории.

Научным авторитетам удалось доподлинно установить, что Датан, Авирам и Бен Пелет, а также упомянутые двести пятьдесят смельчаков – все были поголовно грамотные, и этим радикально отличались от сотысячных масс черного народа. Единомышленники Кораха понимали непростое египетское письмо, сами умело рисовали сложные иероглифы и неустанно занимали себя вычитыванием всевозможных мудростей из папирусов.

Иными словами, впитывая чужие знания, они острили собственный ум, обретали умение сравнивать и анализировать вещи и – неперемный результат всякого образования – научались лучше понимать не только свои интересы, но и пути достижения оных. Между людьми образованными и необразованными такая же разница, как между живыми и мертвыми.

Выражаясь современным языком, союзники Кораха являли собой интеллигентную прослойку давних времен. История учит нас, что интеллигенция – это бродильные дрожжи любых общественных переломов. Очень жаль, но в исторических анналах не сохранились имена двухсот пятидесяти просвещенных борцов!

Итак, крепкое ядро противодействия образовалось. Настал новый этап кампании – нести идеи в широкие народные массы. Фигурально выражаясь, вокруг твердой косточки нужно было нарастить побольше мякоти. Убежденность людей в необходимости перемен означала выполнение первого обязательного условия успешности мятежа.

Для достижения цели восстания требовалось соблюдение еще одного условия – это смятение в сердцах правителей, растерянных перед лицом земных бедствий и страшущихся

гнева небес. Именно такое злосчастье случилось с вождями бежавших из Египта иудеев. Никто бы не позавидовал сумеречному, удрученному, смутному состоянию духа Моше, Аарона и их наперсников.

Два названных требования к успеху переворота являются не более чем проявлением простого здравомыслия. Зачастую здравый смысл полезнее научных теорий, он говорит ясным языком очевидного и доступен непросвещенному.

Любопытно заметить, что по прошествии нескольких тысячелетий, очевидные для среднего ума условия победы восстания были воспроизведены в широкой печати и доставили славу первооткрывателя повторившему их. Скромные резоны здравого смысла обрели теоретически-философский ореол.

Ученый Корах и его образованные адепты прекрасно понимали: чтобы довести какие-либо идеи до темного народа, необходимо придать этим идеям контуры наглядных примеров. Тут им в помощь была несчастная Михаль. Взявши бедолагу с собою, Корах и Датан собрали огромное множество беглецов и стали во всеуслышание расспрашивать вдову о ее житье-бытье. Люди слушали вопросы и ответы, сочувство-

вали, сострадали, и сердца их наполнились праведным гневом.

– Иудеи, избранники Божьи! – громогласно воскликнул Корах, – я обращаюсь к вам за справедливым судом. Все мы с вами оказались в беде и, кажется, не видно на горизонте избавления. Но так ли это?

– Нет, не так! – провозгласил Датан, опережая ответ толпы, – коли отыщем настоящих виновников бед и изгоним их из общины нашей, то поправим дела и при жизни войдем в Землю Обетованную!

– Я рассчитываю на ваш беспристрастный суд, добрые люди, – проникновенно промолвил Корах, – я наперед знаю, каждый из вас положит чистую руку на чистое сердце и скажет: “Сей прав, а сей виноват, и не по какому-то указу, но по моей совести!” Совесть же ваша всегда согласна с правдою и с совестью Господа. Чистая совесть – это непреходящий праздник!

– Это праздник, который всегда с тобой! – прибавил Датан.

– Мы стоим втроем перед вами – я, Датан и бедная вдова по имени Михаль. Ей есть что рассказать о свалившихся на нее несчастиях. Послушайте страдальицу и вершите суд, –

сказал Корах.

– Начни рассказ о судьбе своей, Михаль, – попросил Датан.

– Я овдовела, – начала Михаль, – потому как Моше велел побить камнями мужа моего Шломо, и злые люди с радостью исполнили волю начальника над народом.

– За что убили Шломо? – раздались голоса из толпы.

– Недужная, я лежала пластом и страдала невыразимо. Любящий супруг мой затопил очаг, чтобы мне не погибнуть от холода. А день был субботний. Осерчал Моше на Шломо за нарушение субботы и не простил.

– Не преступил твой Шломо закон, ибо для спасения души можно затопить очаг даже в святую субботу! – раздался разумный возглас из народа.

– Говори, что дальше случилось! – подсказал Корах.

– Овдовела я, и потому неизбежно мне было встать с ложа немочи, будто стала здоровой, и пришлось самой за мужскую работу приниматься, ибо кто за меня прокормит малых детушек? Хорошо хоть, старший отрок мне в помощь.

– Поясняю: пока Михаль хворала, я содержал бедствующее семейство – посылал хворост, лепешки, сыр, – скромно заметил Корах.

– Как добр ты, Корах, как чуток – откликнулась толпа.

– Есть у тебя поле, Михаль? – спросил Датан.

– Беда с ним, с полем этим! – всхлипнула Михаль.

– С полем беда? Кто виноват? – возмутились люди.

– Да всё он, Моше!

– Рассказывай людям по порядку, – ободрил Корах.

– Только набралась я немного сил, а уж пришла пора поле пахать. Встали мы с сыном за плугом, я с одной стороны, он – с другой, и медленно-медленно потянулись вперед, на борозду глядя. Тут явился Моше, да как закричит, остановитесь, мол, не по закону пашете!

– Чего тут не по закону-то? – загудели люди.

– Завопил непрошенный гость, дескать, нельзя вместе за-

прягать осла и быка – не велит Господь этого! Выпрягайте одну скотину, а другую можете оставить – какую хотите!

– Моше предоставляет людям свободу выбора! – ужалил Датан начальника над народом.

– Со свободой такой мы слишком долго поле вспахивали, и потому с севом задержались, а ведь это убыль от урожая! – с горечью добавила Михаль.

– А сев-то как прошел? Гладко? – спросил Корех.

– Совсем даже не гладко, – продолжала сокрушаться Михаль, – только приготовилась я сеять, как опять свалился на голову Моше. Покажи, говорит, какие семена у тебя?

– Да какое дело ему? – раздался голос из толпы.

– Видно, есть дело законнику сему, – сказала Михаль, – “У тебя, женщина, – объявил Моше, – семена пшеницы и ячменя. Не вздумай разное на одном поле сеять! Нельзя!”

– Что же ты сделала, бедная? – участливо осведомился Датан.

– У меня всего одно поле – как тут быть? Пришлось между

делать, забор ставить, одно поле в два превращать. Земля под межу зря пропала, и время напрасно ушло. Урожай-то от этого не стал обильнее!

– Рассказывай, как зерно собирала, – поторопил Корах.

– Стали мы со старшим сыном колосья жать да снопы вязать. Хорошо еще, что малолетки помогали. А тут снова глаза мои видят указчика Моше. Командует он: “Мальшей, Михаль, немедленно удали. Они забытое и нескошенное подбирают – не положено это. И у края поля злак не бери – беднякам оставь!”

– Так ты ведь и есть беднячка! – закричали хором из толпы.

– Сытый голодного не понимает! – справедливо заметил Корах.

– Разве объяснишь что-нибудь начальнику этому! Немало от урожая потеряли, а впереди нас ждало худшее.

– Куда еще хуже? – сделал изумленное лицо Датан.

– А вот куда! – сорвалась на крик Михаль, – обмолотила я зерно на гумне, а Моше тут как тут, и еще какие-то двое с

повозкой и мешками. “Стой, – кричит начальник над народом, – не торопись урожай в амбар стаскивать, ты ведь еще десятину левитам не отделила и дары им не назначила!”

– Возмутительно! – воскликнул Датан, а Коррах сделал отсутствующее лицо.

– Подошли те двое с мешками, ссыпали в них почти всё зерно и погрузили на свою повозку. “Это десятина и дары!” – заявил Моше.

– Тут я в слезы, стала умолять командира и помощников его, чтоб не забирали слишком много и оставили мне, вдове, на пропитание, да куда там – и слушать не желают, делаем как положено, говорят!

– И что же дальше? – спросил Коррах.

– А дальше поняла я, что поле не прокормит меня и детушек, и решила продать его!

– Слыхали, иудеи, страшный рассказ сей? – обратился Датан к толпе, – надеюсь, теперь вы поняли, от кого беды наши происходят?

– От Моше, от Моше! – зарычала толпа.

– Отпустим людей, Датан, – сказал Корах, – вижу осознали они, с кем воевать надо. А тебе спасибо, Михаль. Ты нам еще пригодишься. Да, кстати, у меня недавно коза принесла приплод, пришлю тебе серого малыша, сварить, семейство побалуешь. Если позовешь, то и мы с женою Орпой придем к тебе на пир.

Корах остался весьма доволен своим первым выступлением перед народом иудейским. “Полдела сделано – продемонстрировал я людям истинное лицо Моше, – думал Корах, – теперь осуществлю-ка я вторую и не менее важную половину дела – сорву маску с лицемерного брата его!”

“Сейчас я должен встретиться с другими людьми, дабы расширить поддержку себе. Кто на новом вече напарником моим будет? Датан работал на меня честно. Не хочу, однако, чтобы примелькалась физиономия его. Попавший в беду народ подозрителен, как бы не подумал, будто Датан мой единственный боевой товарищ. Еще решат, чего доброго, якобы он мною нанят”.

“Авирама с собой возьму. Пусть все видят, как много у меня соратников. А Михаль, разумеется, получит ведущую

роль. Воистину, женщина эта – несушка, что несет золотые яйца! К слову, заодно и поощрю вдову дюжиной яиц!”

– Мои иудеи, живите вечно! – проникновенно начал Корах.

– Пусть мир и праздник к вам в дом придут! – подхватил Авирам.

– Зачем собрали нас, дело говорите! – раздались нетерпеливые голоса из толпы.

– Мы все с вами чувствуем себя обманутыми и все нищаем постепенно, – продолжил Корах, – но оскудение избирательно и большее всего бьет по бедным и слабым. Так повсюду велось до сих пор, но в наших с вами силах исправить кривду!

– Не темни, говори попросту! – потребовал народ.

– Вот перед вами стоит Михаль, – возвысил голос Корах, – изможденная женщина, вдова казненного Шломо, у нее на руках малые детки, и нечем ей кормить их.

– Кто виноват? Назови имя! – всколыхнулась толпа.

– Пусть сама Михаль расскажет свою историю, – сказал Авирам, – и вы узнаете имя обидчика. Не только она, но все мы жертва одного известного вам захребетника. Избавимся от него, и жизнь наша много сытнее станет.

– Давай, Михаль, начинай! – раздался голос из собрания.

– По указу Моше, начальника над народом, – заговорила Михаль, – безжалостные враги побили камнями моего мужа Шломо. Я осталась одна, больная и немощная, и теперь живу в большой крайности, и семья моя голодает. А первосвященник Аарон, родич начальника нашего, отнимает последнее.

– Разве нет у тебя поля, чтобы от него кормиться? – сделал удивленное лицо Корах.

– Не кормил меня урожай, ибо Моше забирал почти все, и потому продала я поле.

– Поле продала, а что купила взамен? – спросил в свою очередь Авирам.

– Купила двух овец. Молоко, сыр – то же ведь пища. А там, думалось мне, и шерсть с овечек настригу – всё польза будет!

– Правильно говоришь, Михаль, – ободрил рассказчицу Корах, – отчего же голодает семейство твое?

– Окотились овцы, и тут же явился Аарон, и говорит, мол, это первый окот у скотины твоей, а первенцев ты должна мне отдать, ибо левит я. Так Господь повелел.

– Отдала, бедная? – кто-то из скопища людского подал голос.

– А что мне было делать? Отдала!

– Михаль, а когда стрижку овцам сделала, куда шерсть-то ты дела? – подсказал продолжение Авирам.

– Хорошо обросли овцы, остригла я их. Тут снова пришел Аарон. Говорит, что первое руно принадлежит Богу, а, значит, ему. Забрал и ушел.

– Так с чем же ты осталась? – гневно спросил Корах.

– С лысыми овцами я осталась. Поняла, что не видать мне от них пропитания, и зарезала животину эту. Подумала, хоть мяса разок вдоволь поедим. Да не тут-то было!

– Что же еще-то могло случиться? – вскричал один из со-

бравшихся.

– Неужели снова Аарон? – с изумлением воскликнул Авирам.

– Он самый! – проговорила сквозь слезы Михаль, – сделала я туши, а Аарон тут как тут. Говорит, мол, по слову Всевышнего должна ты отдать мне лучшие куски – грудинку, ребрышки, ножки, лопатки.

– И что же? – вместе сочувственно и гневно воскликнул Корах.

– Я разрыдалась, а когда успокоилась немного, ответила Аарону: “Ничего тебе не дам, всё мясо Богу в жертву приношу!” А он смеется-заливается, мол, что Богу в жертву – то и есть мое! Схватил долю, которую я Господу назначила, и был таков, – промолвила Михаль и залилась горячими слезами.

– Слыхали, люди добрые, от кого беды наши исходят? – закричал Корах в толпу, – я хочу свергнуть ненасытного и безжалостного Аарона. Я тоже левит, но, когда назначит меня Всевышний первосвященником, не стану отбирать последний кусок у бедняков, вдов и сирот. Десятину свою законную себе брать не буду, а на средства эти начну строить храм Господу нашему в земле родной Ханаана.

– Никогда не войти нам туда! Сорок лет в пустыне – не шутка. Все сгинем! – раздались стоны в толпе.

– Скоро увидите меня начальником над народом вместо Моше и первосвященником вместо Аарона. Я умолю Бога простить иудеев, и Он, конечно, послушает меня, и мы при жизни нашей вступим на землю родины. Только вы не молчите, помогайте мне, и Бог удостоит нас награды! – воззвал Корах к людям.

– От нас ты чего ждешь, по-простому говори! – раздались голоса.

– Восстаньте вместе со мною!

– Восстанем! Поддержим! – закричали в толпе.

– Теперь расходитесь по своим шалашам, – скомандовал Авирам, – скоро наступит решительный час, и Корах призовет вас и спасет народ!

– Ура Кораху! Да здравствует Корах! Пусть Корах будет нашим богом – из камня высечем статую его!

– Эй, не вздумайте идолов делать! – испугался Корах, – а

за доверие – спасибо, друзья!

Глава 6

Ничто великое никогда не бывало достигнуто без энтузиазма. Своею активностью и энергией Корах создал выигрышную для себя ситуацию, которая давала ему все основания надеяться на победу над Моше и Аароном. Образованные из народа встали на сторону будущего владыки, и чернь в большинстве своем сочувствовала Кораху и обещала подставить плечо.

Сами же будущие жертвы переворота – начальник над народом Моше и первосвященник Аарон – томились предчувствием надвигающегося бунта, пребывали в недопустимой для государственных мужей растерянности и не могли изобрести конструктивных путей преодоления проблем.

Как говорилось выше, во времена Кораха еще не существовало глубокой научной теории успеха восстания. Бунтовщики довольствовались всего лишь здравым смыслом. Более того, не догадываясь о нечаянно внесенном им грандиозном вкладе в историческую науку, Корах не претендовал ни на академическую славу, ни на величайшее социальное открытие, а простодушно удовлетворялся обыденной практикой.

Обо всех этапах своей агитационной деятельности Корах неизменно докладывал жене Орпе. За поеданием ужина супруги обсуждали итоги минувшего дня и намечали план дальнейших инициатив. По мнению Кораха, активно-наставительные речи Орпы не содержали никаких откровений, и он вполне мог бы обойтись своим умом. Однако он терпеливо выслушивал неиссякающие мнения жены и не прерывал потока изобильных речей, ибо высоко ценил семейный мир.

“Я знаю, я всего лишь глупая женщина, – говаривала Орпа, – но ты моими словами не пренебрегай. Ваши же мудрецы говорят, мол, из горького выходит сладкое. Или что-то в этом роде, не так ли? И помни: у нас дочь на выданье. Адасе положен знатный жених. Так что старайся, дружок!”

На тандемном семейном совете было решено, что настало время подступить непосредственно к Моше и Аарону. Для начала следовало обсудить детали с ближайшими соратниками. Корах оповестил троих реувенцев о проведении неотложной встречи. На совещание, кроме него самого, явились двое – Датан и Авирам. Причину отсутствия Бен Пелета читатель узнает в одной из следующих глав.

Корах решительно заявил Датану и Авираму: “Друзья,

сейчас самая пора действовать – свои разогреты, а чужие размякли!”

Начинать следовало со словесного боя, который дадут Ко-рах, Датан и Амирам главам противной стороны – Моше и Аарону. Решено было привлечь на помощь двести пятьдесят верных соратников.

Сочувствующие массы экипировались самодельными копьями, рогатинами, камнями и прочим оружием бунтующе-го простонародья. Вооруженные люди должны находиться в поле зрения Моше и Аарона, но стоять поодаль. Они примут грозный вид, выражающий готовность к нападению.

Центральной темой совещания был вопрос о применении насилия. Поскольку речь шла о братоубийстве, то возможное кровопролитие приобретало сакральный смысл.

Богобоязненные участники совещания с мистическим страхом задавали себе вопрос: “А не случится ли беды, если Всевышний крепко осерчает на свой избранный народ, в среде коего отыскались разбойники, осмелившиеся лишить жизни соплеменников?” И так отвечали сами себе: “Без того уж изрядно провинились мы! Как вышли из Египта, за короткий срок иудеи успели дважды согрешить перед Ним – сотворить золотого идола и опорочить Землю Обетован-

ную!”

Кораху, задумавшему вымолить прощение у Господа и добиться отмены сорокалетней кары, не доставало только снава и опять разгневить Бога! Тогда, едва начавшись, бунт придет к катастрофическому концу, а его справедливые зачинщики будут жестоко наказаны – возможно, даже смертью с последующим продолжением мученичества в аду.

Корах и двое его верных помощников решили во что бы то ни стало избежать пролития братской крови. Следовало либо убедить, либо запугать Моше и Аарона, чтобы они по добру-поздорову ушли со своих постов, не затевая войны.

“В конце концов, – рассуждал Корах, – Моше и Аарон непременно должны проникнуться величием момента! Враги-то они ведь мне, а не народу своему!” По мнению Кораха, вооруженные массы на заднем плане должны были послужить убеждающим аргументом в пользу мирного решения конфликта.

Совещание заговорщиков постановило начать действовать в ближайший субботний день после утренней молитвы. Корах вместе с Датаном и Авирамом вызовут Моше и Аарона из шатра, а двести пятьдесят соратников приведут на место словесной битвы вооруженные массы сочувствующи-

щего народа.

– Моше, выходи, нам есть что обсудить! – волнуясь, крикнул Корах.

– Вот я! – насилу улыбаясь в предчувствии неладного, ответил начальник над народом, выходя из шатра.

– Где Аарон, брат твой? – строго спросил Датан у Моше.

– Не знаю, – ответил Моше, – разве сторож я брату моему?

– Ответ твой дерзок! – бросил Авирам.

– Умерь гордыню, Моше, – окрепшим голосом остерег Корах.

– Вот я! – воскликнул Аарон, выйдя наружу вслед за старшим братом.

– Оба здесь! – констатировал Датан, намекаяюще посмотрев на Кораха.

– Пора начинать серьезный разговор! – заявил Авирам и

тоже бросил на Кораха многозначительный взгляд.

– Слушайте меня, начальник над народом и первосвященник! – твердо проговорил Корах, – вы увели иудейское племя из Египта, вы обещали простодушным людям привести их в ханаанскую землю, текущую медом и молоком. Путь сей короток, и ежели бы всё происходило по слову вашему, то давно бы мы дышали воздухом родины. Как объясните вы столь плачевное положение наше?

– Обманщики! – воскликнул Датан.

– Узурпаторы! – добавил Авирам.

– Погодите, друзья, – сказал Корах, – пусть говорят те, кого я спросил.

– Корах, ты сам сказал: “Если бы всё происходило слову вашему” – ответил Моше, – но разве по моему слову или по слову Аарона вышли иудеи из Египта?

– Не загадывай нам загадок! – рассердился Датан.

– На вопрос наш мы ждем ответа, а не вопроса! – бросил Авирам.

– Не по-нашему с Моше слову, но по слову Господа поступили иудеи! – дал достойный ответ Аарон.

– Господь любит свой народ, так отчего же в беде мы? – возопил Корах.

– Не наивничай, Корах, – строго молвил Моше, – Бог любит, но наказует! Неужто не знаешь ты о двух грехах, народом совершенных?

– Мы справедливо наказаны Всевышним, ибо иудеи тяжко согрешили перед лицом Его! – добавил Аарон.

– Кто говорил с Богом о прегрешении нашем? – вскричал Датан.

– Кто молил Господа о прощении? – поддержал Авирам.

– Я говорил, и я молил, – гордо заявил Моше, – и принял кару, и признал справедливость ее!

– Ты принял, и ты признал, но ты – это еще не весь народ! – воскликнул Датан.

– Среди нас есть человек, который лучше тебя сумеет говорить с Господом и молить Его! – заявил Авирам, – скажи,

наконец, свое главное слово, Корах!

– Да, Моше, ты не можешь представлять иудеев пред очи Всевышнего! – возвысил голос Корах, – а ты, Аарон, никудышний первосвященник, коли трактуешь слова Господа против своих! Сорок лет скитаться в пустыне и умереть, так и не вдохнув воздуха родины! И это вы смеее называть справедливой карой? Вы оба не годитесь служить народу своему! Только мне под силу такое!

– Не тебя, жалкий счетовод, Бог поставил над народом, но брата моего и меня! – вспыхнул от гнева Аарон.

– Не Бог назначил вас, вы сами захватили власть! – выкрикнул Датан страшные слова.

– Узурпаторы! – повторился Авирам.

– Неужели, Корах, ты в одиночку намерен нести бремя! – изумился Моше.

– У меня будет двести пятьдесят советников, – возразил Корах, – это лучшие из иудеев – грамотные, справедливые, честные. Каждый из них достоин править!

– Неужто на демагогии построишь власть свою? – захохо-

тал Моше.

– Разве так Господь устроил мир свой? – рассмеялся вслед за братом Аарон, – не люди толпы, но единичные герои волей и мудростью своею должны управлять народом. Бог сам находит гениев, и не нужен Ему коллективный разум каких-то неизвестных двухсот пятидесяти советников!

– Повторяю слова брата, Корах, не тебя, но нас избрал Всевышний для великой цели! – заметил Моше.

– Взгляните вон туда, Моше и Аарон, – сделал Датан величественный жест рукой, – видите толпу людей?

– Мы не слепые, – бросил Моше, – чего они хотят?

– Они хотят того же, чего и мы хотим, – сказал Авирам, – вы оба должны уйти с постов, освободив место Кораху. Приглядитесь-ка к людям хорошенько – все вооружены!

– Корах воделеет власти, это ясно, – сказал Моше, – но почему бунтует простой народ?

– Бунтует перед законами вашими несуразными: ишь, постановили, дескать, быка с ослом нельзя вместе запрягать! – воскликнул Датан, – да и еще много-много чего удумали,

всего не перечесть.

– Протестует народ против поборов левитовых! – добавил Авирам.

– Главное, беженцы из Египта хотят войти в Ханаан и жить там, а не скитаться в бесплодной пустыне до самой смерти! – подытожил Корах.

– Жаждешь трона первосвященника? – вскричал Аарон, – а ведь и ты, Корах, левит, и тебе десятина и дары положены. От Бога всё, не забывай! Хотя, надо полагать, тебе известно это, и ты к благам сим тянешь жадные руки свои!

– Законы, что вы несуразными называете – Божественные они! Не рассуждать над ними требуется, а исполнять их! Попробуйте сперва понять глубинный смысл оных, а уж потом мечтайте о Земле Обетованной! – отрезал Моше.

– Простой люд не обманешь, он знает наверняка – не Господь назначил тебя, Моше, начальником над народом, и не Господь даровал тебе, Аарон, корону первосвященника! – вскричал Корах, – убеждены люди, вы сами прибрали вожжи к рукам своим, обманули Всевышнего!

– Популизмом дорогу к власти пробиваешь, Корах! – об-

винил Аарон.

– Учти, Корах, на свою собственную дурость жаловаться некому, – предупредил Моше, – замыслил ты над народом владычествовать? А ведь народ-то тебе достанется тот же, что и мне – не лучше и не хуже. И Бог на небесах другим не станет!

– Глуп ты, Корах! – с усмешкой добавил Аарон, – думаешь, легка корона первосвященника? С маловерами возиться будешь, вскорости поймешь почем фунт изюму. Знаю, бабьим умом ты живешь. Надолго не достанет этакой мудрости! Хлебнешь горечи с народом жестоковыйным, опозоришься. Быстро пропадет у тебя охота винить брата моего в кумовстве, а меня в корыстолюбии!

– Хватит рассусоливать! – Авирам решительно заявил Кораху и Датану, – доколе еще будем болтать языком с самозванцами? Не зря в народе говорят: с такими водиться – что в крапиву садиться!

– Моше, ты вхож к Богу! – обратись к Нему сей же час, пусть назначит нашего Кораха вместо тебя и Аарона! – потребовал Датан.

– Не стану с Господом о таком деле говорить! – ответил,

поразмыслив, Моше, – Он нас с Аароном не случайно избрал, но по достоинству нашему назначил. Разве можно Богу в глаза сказать, что ошибся Он?

– Не доводи нас до крайности, Моше! – пригрозил Корах, – еще раз взгляни вокруг, люди с копьями да с вилами только и ждут суровой команды!

– Да разве хотите вы, чтобы иудей пролил кровь иудея? – возопил Аарон.

– Не бывать такой беде! – подхватил Моше, – не доведем до греха!

– Во избежание насилия допустима победа зла! – авторитетно провозгласил Аарон.

– Однако нельзя просить Господа освободить нас с братом от почета, Им же дарованного. Бери, Корах, бразды правления в свои руки, властвуй и наставляй! – с горечью произнес Моше.

– Помни, Корах: победа твоя – мнимая, – предрек Аарон, – очень скоро и без оглядки отмежуеться от непосильного бремени. А если Господь узнает о самоуправстве твоём, Он крепко осудит и безжалостно накажет тебя и спо-

движников твоих. Меня же и Моше поощрит Всевышний за то, что кровопролития не допустили и жадных до власти и золота бунтовщиков на посмешище выставили!

Корах, Датан и Авирам бросились к толпе с радостным известием: “Соплеменники! Переворот, о необходимости которого всё время говорили мы, радетели народа, свершился!” Люди встретили новость мрачными лицами: готовились внести вклад в важное дело, а обошлись без них – обидно это. Они по-простому и без затей высказали Кораху свое недовольство, но новый владыка сумел убедить подданных, что именно их вооруженное присутствие сыграло решающую роль в победе над узурпаторами.

Несколько умеривши боевой пыл, толпа, тем не менее, не уgomонилась до конца. Раздались требования казнить Моше и Аарона, предать обманщиков огню или, по крайней мере, побить камнями за мучения, что учинили над народом.

Тут некоронованный принципал струсил – а вдруг Господь не одобрит казнь своих ставленников и покарает его, Кораха, да и весь народ иудейский заодно? В древности не то, что нынче – многие проблемы решались коллективными наказаниями, кои признавались эффективным средством

исцеления от заблуждений.

Глава 7

Власть в стане иудеев сменилась. Назначенные Господом начальник над народом Моше и первосвященник Аарон без боя уступили место Кораху и его союзникам. Над лагерем беглецов из Египта взошло солнце новой надежды. Радость свершения наполнила людские сердца.

“Вот-вот мы доберемся до Ханаана, воздух свободы наполнит наши легкие, забудем про рабский египетский труд и сладостно заживем в стране, текущей молоком и медом. В добрый час!” – радостно говорили себе и друг другу очастливленные землепроходцы. “Верной дорогой идете, друзья!” – ободрял Корах своих подданных на сходках и вечах.

В первые недели после свержения Моше и Аарона упоительные мысли о светлом будущем кружили головы простолюдинов. Никуда не исчезнувшие бедствия стали называться временными трудностями, созидательный энтузиазм совершенно победил унылое бездействие, духовность возоблудала над меркантильностью.

Прежние правители, распорядившиеся телами и умами людей, тихо покинули коридоры власти и незаметно ушли в тень. Не следует, однако, думать, что опальные Моше и

Аарон предались отчаянию. Отнюдь! Братья объяснили себе произошедшую перемену не как необратимую катастрофу, но как случайную неудачу или, точнее, болезнь роста, которая непременно должна быть излечена, и не кем-нибудь, а ими самими.

“Я – посланец Бога, – говорил Моше брату Аарону, – и именно мне Господь доверил вести иудейское племя в Землю Обетованную. Слово Всевышнего неоспоримо и не подлежит ни обсуждению, ни, тем более, критике. Стало быть, власть вернется в мои руки. Терпение и борение – вот, что требуется от меня. За великое доверие я отплачу верно-стью!”

“Я, как и ты, поверенный Творца, – говорил Аарон брату Моше, – и не случайно Господь именно мне поручил приносить учение Его в души людей. Я стал первосвященником по воле Всевышнего, и посему непременно вернусь на трон. Твердость и крепость убеждений – вот и всё, что нужно мне! Нет в сердце моем места сомнению – разве можно не доверять собственной вере?”

В этом пункте требуется сделать паузу в повествовании, ибо на взгляд автора напрашивается некое философское от-

ступление.

Вероятно, у читателя возникают недоуменные вопросы: “Неужели вездесущий и всевидящий Бог не ведал о смене власти в стане беглецов? Возможно ли, что Он просто промолчал? Разве Господь позволил бы скрыть от него столь значительный факт?”

Итак, обсудим ситуацию.

Из предыдущей главы мы уже знаем, что Моше отказался выполнить требование Датана и не стал просить Бога о передаче Кораху своего поста начальника над народом. Мотивировка Моше была такова: подобная просьба означала бы выражение недоверия к правильности Его решения. А ведь это абсолютно недопустимо!

Поступок Моше кажется разумным. Однако в таком случае выходит, что он надеялся утаить нечто от Всевышнего. Справедливо ли полагать, будто раб Божий намеревался обмануть своего господина? Неужели Моше, преданный всей душой Богу, мог задумать обман? Не нонсенс ли это?

К большому сожалению автора настоящей повести, ответы на сформулированные выше вопросы пока не найдены. Это не означает, однако, что пытливые умы не ищут разгад-

ку тайны. Наоборот, ученые талмудисты изучают проблему с присущей им энергией. Высказано множество соображений, аргументов, гипотез, доказательств. Тем не менее, пока не будут обнаружены письменные документы или артефакты в подтверждение той или иной точки зрения, дискуссия не выйдет за пределы теоретических спекуляций, впрочем, порою оригинальных и логичных.

Оказавшись в оппозиции, Моше и Аарон не сложили свое мощное духовное оружие. Почему? Во-первых, они свято верили в идею Господа избавить избранный народ от египетского рабства и даровать ему Землю Обетованную, во-вторых, поднявшись над узколобым самолюбием, сумели признать справедливость Божьей кары за совершенные иудеями преступления, и, в-третьих, ни минуты не сомневались в том, что именно им двоим надлежит вести за собою людей.

Не страшась самокритики, братья непредвзято взглянули на деяния, свершенные ими с момента исхода из Египта и по настоящий день. Они не нашли никакого изъяна в своих поступках, если не считать слабости, проявленной Аароном в прискорбной истории с золотым идолом. В остальном все вершилось чин по чину. Старший брат деликатно не напоминал младшему о промахе последнего.

Положительно оценив свои действия, опальные начальник над народом и первосвященник пришли к заключению, что единственная причина кризиса состоит в маловерии иудейского народа. Так ведь и Господь говорил это же самое!

Маловерие народа, по мнению Господа, а, значит, и Моше, и Аарона, есть вещь преодолимая. Назначенные Всевышним сорок лет скитаний в пустыне явятся чудодейственным снадобьем для излечения болезни. В душах избранников Божьих заложен иммунитет против чумы язычества. Братья видели свой долг в помощи естественному процессу борьбы природных защитных сил с недугом.

Моше и Аарон собирали вокруг себя единомышленников, которые в нужный момент должны будут поддержать их в грядущих победах. Корах же и его команда не имели опыта управления, поэтому подсылали своих людей к свергнутым принципалам и, как бы невзначай, пытались выпросить то одно, то другое. Братья делали вид, что не замечают хитрости и помогали советами. В конце концов, Моше и Аарон не стремились любой ценой навредить новой власти – благо народа важнее упоения мстью, а что до Кораха, то он сам себя погубит!

Большую трудность для Моше представляла перспектива нелицеприятного разговора с Богом о случившемся конфузе. Моше денно и ночью обдумывал неизбежную беседу со Всевышним, подбирая слова и оттачивая формулировки. Он раскидывал умом, какими могут быть отклики Господа, и как следует правильно отвечать на них, дабы не разгневить Его.

Только-только окончилась кампания, а Корах вышел из нее победителем-повелителем, как Орпа призвала супруга на важный разговор.

– Корах, сбылась твоя мечта, теперь ты почти царь иудейский! – поздравила мужа Орпа.

– Сбылась и твоя мечта, Орпа, теперь ты почти царица иудейская! – не замедлил с ответным поздравлением Корах.

– Надеюсь, ты не похож на многих мужиков, забывающих за успешной карьерой семью, жену и детей?

– Не поклонами и лестью, а собственной головой пробил свою карьеру. Я по праву горжусь ею!

– Гордись, Бога ради! Я ведь не о том. Не выбросишь ли ты из сердца меня и Адасу?

– Ну, что ты, душенька! Я всегда был и навеки останусь верным мужем и пламенным отцом!

– Пламенным отцом, говоришь? Доказывай делом!

– С радостью! Требууй, чего хочешь!

– Напоминаю, у нас дочь Адаса на выданье. Она любит принца, и тот ее любит. Теперь, когда ты стал начальником над народом, они могут пожениться.

– Вот видишь, Орпа, я всё делаю для дочери!

– Всё, да не всё!

– Чего не достает?

– Приданое требуется, богатством достойное твоего нового статуса. Подарки жениху и жениховым отцу с матерью, устройство свадьбы, палаты каменные для молодых – да мало ли чего еще!

– Дали меду, так ложка нужна! Будет и это, родимая, все-

му свой срок. А сейчас мне идти надо – дела государственные не терпят.

– Стой! Потерпят твои дела государственные. Где прячешь свои египетские сокровища? Полезай в закрома!

– Говорил уж тебе, нет у меня сказочных богатств, люди по злобе и по зависти лгут. Не верь бредням!

– Ладно, оставим скользкий вопрос. Оправдание по со мнению, так сказать. Однако ты левит, тебе десятина со всего народа положена, а от имущих еще и щедрые дары причитаются! От этого не отречешься?

– Вот тут ты права, Орпушка! Завтра же разошлю глашатаев, пусть напомнят, поторопят, пригрозят. Взыщу сполна!

Первой важной акцией новоиспеченного начальника над народом явилось устройство замужества дочери. Корах постарался, чтобы Адаса и ее избранник ни в чем не нуждались, да и Орпа осталась бы довольна, что не менее важно. Слава Богу, все получилось отменно: в доме супругов укрепилось взаимное доверие, а вновь созданная семья начала жизнь в любви и достатке.

Следующим по важности и по очереди предприятием Кораха должно было стать его ходатайство перед Богом об отмене кары в сорок лет скитаний. Корах принял здравое решение не советоваться с женой о таком непростом деле. “Это уж было бы слишком – допускать женщину, пусть даже столь умную, как моя Орпа, к обсуждению наших с Господом общих проблем!” – подумал супруг.

Отстранив женщину от предмета общенациональной значимости, Корах совершил, без сомнения, благоразумный поступок. К сожалению, вслед за удачным началом судьбоносного демарша не последовало никакого продолжения.

Опыт – половина удачи, а Корах никогда не разговаривал с Богом. А ведь говорить-то с Ним – ой как не просто! Тут надо действовать наверняка. Не оплошать, не рассердить. Вердикты свои Всевышний меняет крайне редко. Удачной должна стать первая попытка – второй не представится. Слишком ответственно и очень страшно.

Корах, как говорилось прежде, частенько подсылал своих лазутчиков к отставным назначенцам Господа – якобы ненароком разжиться советом из уст опытных предшественников. Но именно в таком непредсказуемом своими последствиями деле, как предстоящий разговор с Богом, новый

кормчий добиться помощи не мог.

Моше, беззаветный радетель народа иудейского, рад бы подать мысль – ведь и он, не менее Кораха, был бы счастлив отменой Божьего приговора. Однако он сам терзался сомнениями, не зная толком, как подступиться к Всевышнему в столь опасной ситуации.

Не имея опыта и не желая рисковать слишком многим, Корах отложил беседу с Богом на неопределенный срок. “Не под дождем – подождем, а обещанного сорок лет ждать. С небесами говорить рановато, у нас есть еще дома дела!” – напевая, успокаивал себя Корах, и не ведал, что совершает ошибку.

И действительно, дел было по горло. Однако снявши с очереди разговор с Господом об отмене вердикта о сорока годах скитаний, Корах вынудил народ продолжать нерадостный анабасис по Синайской пустыне. Первые месяцы, а, может быть, и годы, иудеи сносили этот факт терпеливо, но постепенно среди простолюдинов нарастал ропот недовольства: “Ради чего мы вознесли Кораха к власти? Зачем рисковали жизнями? Где, наконец, воздаяние за проявленный нами героизм?”

Корах был противником громоздкого и дорогого государственного аппарата. Поэтому он ограничил правящий штат всего двумя министерскими постами, по справедливости доставшимися его ближайшим советникам.

Датан получил под свое начало Министерство Лояльности, в обязанности которого входили надзор над народными настроениями, а также выявление симптомов опасных оппозиционных тенденций в среде окружения Моше и Аарона. Министр был наделен полномочиями превентивных действий на случай, если обнаруживалась грозящая Кораху опасность. Персонал ведомства насчитывал сто из двухсот пятидесяти упомянутых выше верных соратников Кораха. Бойцы Датана располагали кинжалами и ядами.

Авирам возглавил Министерство Богоугодия. Задача сего учреждения состояла в помощи всем без исключения поданным осуществлять заповедь Господа о сборе левитовой десятины. Имеющие хороший достаток, то есть средний и выше, были обязаны сверх десятины добровольно приносить щедрые дары служителям Всевышнего. Наблюдение за своевременным поступлением пожертвований также являлось неотъемлемой частью деятельности Авирамовых служащих, коих насчитывалось сто пятьдесят человек – всё соратники Кораха из числа названных уже двухсот пятидеся-

ти. Министр оснастил своих подчиненных плетьюми, палками и другими многократно проверенными и эффективными средствами увещевания.

На службе у фараона Корах усвоил важную идею: для исключения воровства, взяточничества и прочих проявлений коррупции государственных служащих, последним следует выдавать щедрое содержание. Корах не скупился на жалование, и две с половиной сотни его чиновников жили не худо в сравнении с другими беглецами, то бишь с теми, которые не поступили на должность.

Относительно сытая жизнь служащих государственного аппарата несколько не поколебала их по-человечески понятного стремления к еще большему достатку, ибо хорошему нет предела. Поэтому приобретенный Корахом египетский опыт борьбы с лихоимством оправдывал себя не в полной мере. Не в силах противиться соблазнам, мягкотелые чиновники принимали подношения от имущих искусителей, а те, в свою очередь, копили недовольство алчными прислужниками Кораха, да и им самим заодно.

Хотя, если вдуматься, такой ли уж сытной была жизнь службистов? Много ли возьмешь с дарителя в суровых условиях бесплодной пустыни? А поэтому, надо ли осуждать за мелкие прегрешения обманутых в своих ожиданиях людей?

Да, именно обманутых! Ведь чиновники рассчитывали на большее и, глядя на роскошествующих Кораха и министров Датана и Авирама, сетовали на несправедливость мирового устройства.

А что сказать о жизни левитов? Разве благоденствовали они? Конечно, им регулярно доставляли причитающуюся десятину, но разве можно сравнить богатейшие египетские урожаи со скудными дарами Синайской пустыни! Стало быть, и сему привилегированному колену народа иудейского не терпелось как можно скорее очутиться в земле, текущей молоком и медом.

Читатель, разумеется, не забыл про несчастную Михаль. Увы, новый начальник над народом равнодушно вычеркнул из памяти бедствующее семейство.

Как свершился переворот, Михаль и ее отпрыски лишились персональной поддержки Кораха, ибо пришедшая народная власть заботилась одинаково обо всех, и высокие руководящие круги поспешили избавиться себя от фаворитов, которые прежде находились под опекой режима. Все стали равны перед законом и казней. В число своих достоинств равноправие включало всеобщую обязанность отделения десятины от урожая. Повинность эта распространилась и на Михаль. По справедливости.

Два фактора самым решительным образом повлияли на деяния Кораха. Первый – обретенная власть, второй – женщина. Корах легкомысленно забыл о посулах своим подданным. Иудеи, как прежде, кочевали по пустыне. “Так и пройдут в скитаниях сорок долгих лет? – гадали люди, – неужели обманул нас новый начальник над народом?”

Надежда беглецов еще при жизни добраться до Ханаана угасала, зато разгорался гнев на мошенника Кораха.

Прошло время. Довольными были Корах с Орпой и Датан с Авирамом. А все остальные – кто роптал, а кто злобу копил. Впрочем, Моше и Аарон тоже радовались, что дела идут худо: “Стало быть, зреет бунт, предвестник нового переворота, на сей раз – в нашу пользу!” – думали братья.

Глава 8

Может быть год, а, может, и больше года, минуло с того дня, как Корах захватил власть в лагере беглецов. Взошедшие на вершину пирамиды предали забвению, как более неактуальные, свои прежние посулы народу.

Как известно, обещания даются соразмерно расчетам, а выполняются в меру опасений. Освободив себя от бремени сдерживать слово, Корах и его министры Датан и Авирам

недальновидно ублажали себя поеданием плодов зыбкой победы.

Услужники сей троицы власть имущих пристроились, вроде бы, тоже не худо, но не худо лишь по понятиям скудной пустыни. Чиновничий мозг сверлила навязчивая мысль: в иных-то краях житьё куда как слаще! Скажем, в Ханаане или, допустим, в том же Египте, а уж про Вавилон и говорить нечего! Жить хорошо – это плохо, коли доподлинно известно тебе, что есть на свете другие страны, где можно жить лучше.

Их подобных ренегатских представлений проистекало амбивалентное отношение служителей государственного аппарата и левитов к владыкам иудейского племени. Выдвиженцы любили власть за то, что она подарила им наслаждение превосходства над черным народом, но презирали ее за неумение дать полное довольство. Впрочем, любовь преобладала над презрением. Да и Министерство Лояльности усердно добывало и тщательно хранило до поры до времени порочащие сведения на каждого службиста, дабы страхом скреплять верноподданность.

Если в складках чиновничьих душ прятались робкие зернышки сомнений, то пышные колосья гнева наливались в сердцах простолюдинов. Трудящейся бедноте нечего терять,

кроме своих бед, зато приобретет она Ханаан – землю, молоком и медом текущую!

“Совершили уж один переворот, а остались ни с чем!” – упрямо твердили пессимисты из народа. “Пусть мы сами и не войдем в Ханаан, зато сыны наши вкусят свободы!” – возражали оптимисты, склонные к новому переделу. “Снова восстание учинить? – задавались вопросом реалисты, – оно, конечно, можно, но, как всегда, цветки да ягодки сорвут вдохновители, а нам, простым бойцам, победу кующим, достанутся гнилые корешки. Не попробовать, однако, грех. Попытаемся, хуже-то все равно не будет!”

Моше и Аарон с удовлетворением отмечали, что в широких массах иудеев растет недовольство властью Кораха. Отрадны были такие перемены, ибо они приближали день возвращения на престол свергнутых начальника над народом и первосвященника.

“Ни к чему не прислушивайся так, как ко времени!” – твердили сами себе Моше и Аарон. Новый переворот явно назревал, но крайне важно было выбрать правильный момент для начала решительных действий.

На крыльях прилетает поспешное решение, но сделанное наспех не может быть сделано хорошо. Иными словами, торопиться нельзя, ибо если саженец не успел пустить крепкие корни и слаб пока, то недолго и неудачу потерпеть.

Однако с великой душевной болью сознавали Моше и Аарон, что сорок лет – то есть годы, щедро отпущенные Господом на духовное исправление народа – растрачиваются впустую, и не оказывают задуманного Богом воспитательного воздействия на умы и сердца людей. В жизни ничего навестать невозможно. То есть, промедление может оказаться губительным в часы испытаний, и оно не менее опасно, чем поспешность.

Отсюда становится понятно, почему выбор удачного момента для почина стал неизменной темой, обсуждаемой Моше и Аароном по субботам и будням, в любом месте, в любой день, в любую минуту.

Верные идеям и иудеям, боголюбивые братья задумали использовать последний шанс, чтобы вразумить Кораха, а с ним Датана и Авирама, отступить от амбиций. Предполагалось, что, не лишённые здравого смысла и остатков любви к народу, злополучные бунтовщики признают свой неуспех и добровольно, по примеру предшественников, предадут в другие руки бразды правления. В таком развитии событий

Аарон усматривал возможность исключить братоубийство. Моше, в свою очередь, надеялся избежать мучительного для него разговора с Господом.

По инициативе Моше и Аарона состоялся диалог между двумя сторонами.

– Братья, зачем напросились вы на встречу со мной и моими министрами? – не слишком вежливо спросил Корах, – будьте кратки, у нас дела!

– Надеюсь, дела государственные, не семейные, – заметил Аарон.

– Тебе, Аарон, пристало не рассуждать, а молиться, молиться и еще раз молиться, – сердито возразил Авирам.

– Незачем затевать перепалку, – вступил Моше в разговор, – Корах велел нам быть краткими, исполним волю начальника над народом.

– Говори, Моше, мы ждем, – сказал Датан и при слове “мы” указал на Кораха, и Авирама.

– Буду прям, – решительно заявил Моше, – ты, Корах, не умеешь править. Ты, Датан, можешь только подслушивать,

подглядывать, орудовать кинжалом в ночи и травить ядами. А ты, Авирам, годен лишь, чтобы грабить и истязать. Народ негодует, и вот-вот прогремит взрыв праведного гнева. Вам не устоять. Верните нам с Аароном власть!

Услышавши эти слова, Корах и его министры дружно разразились громким хохотом. Наконец, успокоились.

– А если не вернем, то что нам будет? – спросил Корах, и все трое вновь развеселились.

– Что будет? – в свою очередь спросил Моше, – я намерен говорить с Господом, и Он решит, что делать с вами, со мной и с Аароном. Главное, помни, Корах, наш Бог ничего не совершит во вред избранному Им иудейскому племени. При этом Всевышний возьмет в расчет, что мы с братом – друзья народа, а вы – враги его!

– Вы, троица, кажется, хорошо пожили, будучи у власти. Настало время уйти в тень. Не будите гнев Господень! – предостерег Аарон.

– Вы тоже успели хорошо пожить, плуты этикие! – взбеленился Корах.

– Ты, Моше, самозванно присвоил себе начальство над на-

родом! – прокричал Датан.

– Ты, Аарон, – не знаешь толку в учении Божьем, а других наставляешь! – добавил Авирам.

– Старая песня! Неужели не видите, что народ пресытился правлением вашим? – громогласно воскликнул Моше, – слепота погубит вас!

И снова рассмеялись нечестивцы.

– Моше! – обратился Аарон к брату, – может быть, дадим этим выскочкам последнюю возможность одуматься?

– Пожалуй, – ответил Моше, – завтра, с восходом солнца, ты, Корах, ты, Датан, и ты, Авирам, явитесь на суд, дабы услышать разумные резоны против вас, и, просветлившись, бесшумно удалитесь восвояси.

– Какой еще суд? – даваясь от смеха спросил Корах, – судьи-то кто?

– Нашими честными сердцами и устами судимы будете! – торжественно произнес Аарон и взглянул на брата.

– Убирайтесь, убирайтесь оба, – неудержимо гогоча, вы-

давил из себя Корах, – довольно! Отлично повеселили нас!

– Если не явятся на суд и не образумятся, – мрачно сказал Моше брату Аарону по дороге домой, придется нам пасть ниц перед Господом, и поведать всю историю, и смиренно выслушать приговор Его.

– Согласен. Примем решение Бога покорно, кротко, безропотно.

– Как ты думаешь, Аарон, отчего самоуверен Корах?

– Было мне видение, – глубокомысленно ответил Аарон, – будто ангел Господень явился к Кораху и сказал: “Знай, произойдет от твоего потомка иудейский пророк!” Вот и взял себе в голову Корах, что не покарает его Всевышний, ибо преисполнен Он почтения к нему, как к прародителю будущего великого мудреца.

– Так видение-то тебе было, а не Кораху! Он-то откуда знает об этом? – недоуменно возразил Моше.

– Что мне видится, то наяву случается! – внушительно ответил Аарон.

Ни один из троих на суд не явился. Пренебрежение оскорбило Моше и Аарона. Высокомерное чванство новых властителей разбило последнюю надежду уладить дело без апелляции к Всевышнему. Посоветовавшись, братья пришли к фаталистичному выводу: “Чему быть – того не миновать!”

– Тебе начинать! – промолвил Аарон.

– Сначала помолимся, брат! – ответил Моше.

– Пожалуй, это всё! – произнес Аарон после страстной и продолжительной молитвы.

– Теперь падем ниц, дабы Господь видел полнейшее смирение наше! – сказал Моше, и оба упали на лицо свое, а потом встали на колени и призывно воздели руки кверху.

– Слушаю вас, властители народа Моего, – раздался голос с небес.

– Ах, если бы властители! – сокрушенно воскликнул Моше.

– Он больше не начальник над народом, – пролепетал Аарон, – а я уж – не первосвященник!

– Как можно? Ведь это Я, ваш господин, вознес вас! Объясните! – на сей раз грозно прозвучал голос.

– О, Господи, помилуй! Неведомо как, но новый грех приключился с нами! – промолвил Моше, и слезы залили его мужественное лицо.

– Богач Корах, один из наших, из левитов, сперва подстрекнул людей, отщепенцев, впрочем, а потом отобрал у нас полномочия, Тобою дарованные, – проговорил сохранявший самообладание Аарон.

– Почему не защитили ваши Божественные права? – еще более грозно спросил голос.

– Не хотели, ибо... – начал, было, Аарон, но не успел закончить.

– Не хотели? – взорвался голос, и стены шатра заходили ходуном от гнева Его.

– Мы стремились во что бы то ни стало не допустить братоубийства среди людей народа Твоего священного, – поспешил пояснить Моше.

– Похвальное намерение, – немного смягчился голос, – оно отчасти искупает ваш грех непротивления злу насилием.

– Корах и подлые прислужники его, Датан и Авирам, куражатся, пьют кровь человеков, грабят, а, главное, Тебя забыли! – выпалил Моше.

– Забыли Меня? Выходит, этот самый Корах и иже с ним не наставляют на Мой путь жестоковых иудеев? Этак вновь к язычеству испорченное племя потянется! Посему еще строже кара моя будет! – вновь пришел в неистовство голос.

– О, Боже, молим Тебя, не губи народ свой! – воскликнул Аарон, – мы так любим его – ведь это же и наш народ!

– Нас с братом накажи, жизни лиши, но пощади люд бесхитростный! – возопил Моше.

– Много ли бунтовщиков пошли за Корахом? – прозвучал вопрос с небес.

– Совсем мало, – заверил Моше невидимого собеседника, – всего двести пятьдесят человек, и все из богатых!

– Зато простой народ стоит за Тебя горой, смиренно при-

нял кару Твою о сорока годах скитаний, осознал ее справедливость! – ободренно проговорил Аарон.

– Неужто все стадо пойдет под нож – ведь шелудивых-то овец всего ничего! – невзначай намекнул Моше.

– Не повторяйся, Моше. Твои подсказки Мне не нужны. Скажи-ка лучше, судили вы мятежников? – прозвучал строгий вопрос.

– Хотели судить. Эти трое насмеялись над нами и не пришли на суд, – ответил Моше.

– Теперь дело совершенно ясно. Отмечаю, что вы дважды угодили Мне: сумели братоубийства избежать и вступились за Мой народ! Хвалю!

– А что же дальше, господин наш? – с тревогой и вместе с облегчением спросил Аарон.

– Я сам стану судить бунтовщиков, и не завидна будет доля их. А тебя, Моше, и тебя Аарон, я прощаю и на прежние позиции верну, ибо верны вы Мне!

Глава 9

Так постановил Бог: “Я сам стану решать судьбу бунтов-

щиков”. Моше и Аарон поняли слова Всевышнего таким образом, что мысленно Он уже вынес приговор Кораху и его приспешникам. Суд же будет представлять из себя не процедуру разбирательства с обвинительным и защитительным говорением, но картину поучительного наказания. Очень скоро это предположение братьев подтвердилось. Однако они пока не знали, какими окажутся предпринятые Господом карательные меры.

Предвидение неминуемой расправы над Корахом и его присными пробудило у Моше и Аарона даже некоторое уважение к путчистам. Ведь тот, кто задумал стать сильнее власти, должен отважиться глядеть в глаза превосходящей силе.

Моше и Аарон отметили два факта: с одной стороны, Господь похвалил их за непролитие иудейской крови, что являлось, по существу, заслугой обеих противоборствовавших партий, с другой – изрядно разгневался на мятежников.

Рассуждая логически и предполагая последовательность в словах и действиях Творца, братья имели основания заключить, что Всевышний взыщет строго, но гуманно. Сенсационные события суда покажут, сколь значительно разнится земная логика от небесной. Если первая нередко бывает убедительной, то вторая обладает свойством непредсказуемости.

Осведомители донесли Кораху, что Моше и Аарон сдержали слово и вступили в диалог с Богом. Содержание разговора лазутчикам выяснить не удалось, зато они самолично наблюдали сияющие лица братьев, краем уха слышали, как те о чем-то оживленно беседовали меж собой, а физиономии их излучали довольство. Впору вспомнить тривиальную истину – лицо отражает и страдания души, и ее радость.

Донесения агентов слегка встревожили Кораха и министров Датана и Авирама. На всякий случай они собрались на совещание. Из претензий Моше и Аарона следовало, какие, по мнению последних, промахи допустила новая власть.

Предстояла работа над ошибками. Быстро был составлен и утвержден план исправления недочетов, назначены исполнители, установлены ответственные лица, намечены сжатые сроки реализации мероприятий.

Совещание вынесло решение не оповещать двести пятьдесят государственных служащих о состоявшемся разговоре между Богом и Его рабами Моше и Аароном. Постановление сие являлось безусловно ошибочным, ибо секретность порождает слухи, порой, совершенно дикие. К тому же всякая таинственность не уменьшает, а увеличивает тревожные настроения у основания пирамиды власти.

Бюрократический ответ Кораха и его министров на новые вызовы свидетельствовал об их непонимании серьезности нависшей над ними опасности. Вскорости им предстояло раскаяться в своем заносчивом поведении с прежними властителями и горько пожалеть о том, что не послушали они добрых увещеваний.

Разговор Моше и Аарона с Господом происходил накануне субботы. И уже в середине следующей недели, ранним утром, Моше проснулся от странного шума снаружи шатра. Он тревожно окликнул брата Аарона, спавшего за перегородкой.

“В чем дело, Моше? – спросил спросонья Аарон, – пора вставать на молитву?” Моше предупредительно приложил палец к губам, призывая брата к тишине. Потом сказал: “Ты слышишь голоса за шатром? Одевайся! Посмотрим, что случилось. Ни одно событие в лагере не должно происходить без нашего ведома!”

Перед глазами Моше и Аарона предстала страшная и вместе грандиозная картина. Чьей-то неведомой рукой на темной земле была проведена яркая белая черта – прямая ли-

ния от одного конца лагеря до другого. Вдоль этой границы располагались кучки растерянных людей – мужчин, женщин, детей. Там же теснился домашний скот, высились горы всевозможного скарба. Раздавался женский и детский плач. Блеяли козы и овцы, ревели ослы, мычали коровы и телята, тревожно вопили петухи.

Измученные братья подошли ближе. Масса людей представляла отдельные группы, разделенные некоторым расстоянием друг от друга. Во главе каждой из групп, ближе к черте, стоял мужчина, за ним жалась друг к другу женщины и дети. Позади громоздились столы, лавки, корзины с посудой и прочее имущество, а еще дальше – обитатели овчарен, хлебов, птичников. Вид у людей и животных был жалкий, побитый.

– Что бы это значило? – спросил недогадливый Аарон.

– Не видишь, что ли? Господь собрался карать бунтовщиков! – ответил Моше.

– Откуда они взялись тут?

– Бог их выстроил, пока мы спали.

– Давай-ка пройдемся, Моше, вдоль черты да посчитаем,

сколько тут людей!

– Давай. Ты считай, Аарон, ты силен в цифрах, а у меня глаз острый, я определю, кто сии мужи у черты. Мне кажется, что группа – это семья.

Выполнив каждый свою работу, Моше и Аарон вновь сошлись у середины линии.

– Я насчитал двести пятьдесят семей. Сто отдельно, ближе к левому краю лагеря, и еще сто пятьдесят – отдельно, ближе к правому краю, – доложил Аарон.

– Эти люди – министерские службисты со своими домо-чадцами и имуществом. Чиновники стоят впереди у черты, а за ними толкутся их семейные кланы. Слева – Министерство Лояльности с Датаном во главе, справа – Министерство Богоугодия, управляемое Авирамом, – сообщил Моше о результатах своих наблюдений.

– А где же сам Корах?

– Я и его видел. Они с Орпой расположились отдельно, позади всех. Там же и три сына их.

– А дочь Адаса? – спросил Аарон.

– Она же замужем, забыл, что ли? Живут молодые отдельно своей семьей. Теперь к Адасе будут прилипать мужнины грехи, а за папашины делишки она уж больше не в ответе! – напомнил Моше.

– Слушайте все! – вдруг раздался громовой голос с небес, – женщины и дети! Немедленно уймите плач и угомоните скот!

– Сейчас Господь объявит народу о наказании, которое избрал Он для бунтовщиков! – с трепетом проговорил Аарон.

– Подозреваю, изгонит Всевышний прекословщиков воли Его из стана нашего, лишит права войти в Ханаан! – добавил свой прогноз Моше.

– Мятежники! Корах и вы, Датан и Авирам! Вы покусались на Моих ставленников Моше и Аарона! Хуже того, вы пытались утаить от Меня перемену власти. За эти прегрешения вы никогда не войдете в Ханаан!

– Ну, что я говорил тебе, Аарон! – промолвил Моше.

– Ой, боюсь, это не всё! – в страхе пролепетал Аарон.

– Это не всё! – продолжил небесный судья, – вы смертью умрете! Страшной смертью. Людей Датана поглотит земля. Люди Авирама сгорят в огне.

– Ну, что я говорил тебе, Моше! – промолвил Аарон.

– Сдается мне, что и это не всё! – в страхе пролепетал Моше.

– Это не всё! – гремел глас небесный, – погибнут вместе с вами ваши домочадцы, ваш скот, ваш скарб домашний!

Бледные как мел Моше и Аарон переглянулись. Нет, не хотели они столь жестокого конца. Моше приготовился что-то возразить Господу, но Аарон благоразумно удержал брата.

– И это еще не всё! – завершал свою речь Всевышний, – после смерти ваше место будет в аду – на века!

В это мгновение под ногами Датана разверзлась земля, и он оказался по пояс погребенным. Расселина ширилась, и вот уже его родня, и сто его чиновников, и их домочадцы, и скот, и скарб проваливаются в бездну.

– О, Боже! Прости, не губи! Я ошибался, я признаю, сохрани мне жизнь! – кричал Датан, воздев руки к небу.

– А нас-то за что? – кричали чиновники Министерства Лояльности, – ведь мы простые солдаты, мы только исполняли приказ!

– Господь великий! Женщин пощади, детей невинных сбереги! – раздавались отчаянные голоса домочадцев.

– Неужели так выглядит гуманность? – вскричал Аарон.

– Да, брат мой, привыкай! – сурово заметил Моше.

– Однако, чем провинились малолетки! – не унимался Аарон.

– Из зернышка вырастет колос, подобный тому, в котором это зернышко созрело. Таков закон природы! – ответил Моше.

Тем временем трещина в земле углублялась. Наказуемые опускались все ниже. Земля доходила до груди, до подбородка и, наконец, совершенно поглотила обреченных.

Но крики не прекращались. Это надрывались чиновники Министерства Богоугодия и их семейные. Они поняли, какая участь ожидает их, и заранее принялись каяться и мо-

лить Господа о пощаде. Напрасно! “Сознающий свою невинность не унижается до оправданий!” – сурово промолвил Моше.

Под ногами у несчастных вспыхнуло яркое пламя. Оно с треском поднялось на высоту человеческого роста и через минуту-другую исчезло, оставив после себя кучи пепла. Пожалуй, гибель этой части грешников произошла быстрее и потому могла показаться человечнее. Однако, с другой стороны, жертвы огня были свидетелями гибели своих коллег и успели пережить и передумать страшное. Поэтому трудно сказать, чиновникам которого из двух министерств досталась более легкая смерть.

– Это жестокость! – отчаянно провозгласил Аарон.

– Нет, братец, это милосердие! Ты – мастер счета. Должен понимать, что в крайних обстоятельствах, скажем, на войне или в скитаниях по пустыне, гуманно отдать в лапы смерти сотни, ради спасения тысяч и тысяч! – постановил Моше.

Итак, все двести пятьдесят бунтовщиков, осмелившихся перечить воле Всевышнего, были благополучно умерщвлены. А что же происходило с Корахом, с зачинщиком смуты

и, выражаясь современным деловым языком, главным бенефициаром переворота?

Корах, Орпа, три их сына, родня, слуги и домашний скот находились отдельно от прочих осужденных, на некотором расстоянии. Тут же было навалено горой имущество, нажитое за время начальствования над народом и первосвященства.

Охваченный ужасом, бледный Корах с трепетом наблюдал за казнью министров и чиновников. Для себя, однако, он крепко надеялся на снисхождение, ибо, согласно случившемуся Аарону видению, Корах рассчитывал на здравомыслие Господа, который непременно примет во внимание, что далекий потомок его семени станет иудейским пророком. Увы, напрасны оказались надежды его.

– Корах! – прогремел голос с небес.

– Вот я! – с готовностью отозвался Корах.

– Ты зачинщик, и ты умрешь двумя смертями!

– Двумя смертями? Разве можно умереть более одного раза? – поразился Аарон, обратившись к брату.

– Посмотрим, что будет дальше, – ответил Моше изумленному Аарону.

А дальше произошло вот что. Расступилась твердь под ногами Кораха, и он провалился в расселину по самую шею. Жестоко, словно железным обручем, стиснула земля грудь его. Он не мог более дышать, сердце перестало биться, и тело умерло. Но глаза оставались открыты, и последние жуткие мысли бродили в голове, возвышавшейся над редкой травой. Тут вспыхнуло пламя и дотла сожгло череп, мозг, лицо, волосы.

Вместе с Кораром погибли Орпа, домочадцы, скот, имущество.

– Иудеи! Вы воочию видели, как расправляюсь Я с пресловзиками Моей воли! – прозвучал голос с неба, – Я возвращаю вам назначенных Мною начальника над народом Моше и первосвященника Аарона. Следуйте за ними во всем и слушайте их!

– Спасибо, Господи! – дружно, в едином порыве прокричали иудеи.

– Все казненные примут вечные муки ада! – напомнил Всевышний свой безжалостный финальный вердикт.

– Я все же думаю, что Господь поступил чересчур жестоко, умертвив Кораха двумя смертями. Довольно было бы и одной, – заметил Аарон брату.

– Ты, Аарон, снова принял милосердие за жестокость, – возразил Моше.

– Да где ж тут милосердие? – почти рассердился Аарон.

– Поясняю, – ответил Моше, – все казненные последуют в ад на вечные муки. Вечность доставит им много времени для размышлений. Бывшие министры и чиновники хоть и каялись громогласно, но в глубине души полагали и всегда будут полагать, что не они сами, а обманщик Корах есть виновник их смерти. Посему они ревниво желают ему худшей доли, нежели их собственная.

– Ну и что из этого? – нетерпеливо спросил Аарон.

– Слушай до конца! Поглощенные землей уверены, что их смерть мучительнее гибели от огня. Поэтому им обидно было бы узнать, что Корах сердобольно сожжен. Погибшие же в пламени считают, будто выпавшая на их долю смерть страшнее. Мысль о слишком легкой кончине Кораха в расселине досаждала бы им. Вот почему Господь казнил главного бун-

товщика обеими смертями!

– Так в чем же милосердие-то?

– Ну, право, Аарон, как ты непонятлив! Карая, Бог жалеет! Просто Он не хочет доставлять несчастным лишние страдания! Господь избавляет казненных от пыток зависти – пусть тешатся себе в аду мыслью, мол, Корах претерпел те же предсмертные мучения, что и они, да еще и с прибавкой!

Не понесли наказания четыре человека из окружения Кораха. Это три его сына и Бен Пелет. История Бен Пелета ждет нас в следующей главе. Сейчас скажем несколько слов о сыновьях Кораха и о причине их помилования.

Юные отпрыски Кораха не занимали никаких должностей в преступной администрации, и, стало быть, на них нет пятна. Тут дотошные читатели могут возразить, дескать, жены, домочадцы, живность домашняя – они-то ведь тоже без вины, а все же казнь постигла их. Это верно, ибо существует не подлежащий обсуждению закон: несоучастие в преступлении вовсе не исключает Божьей кары. Иными словами, личная невиновность есть условие необходимое для оправдания, но оно не является достаточным.

Так в чем же особенность ситуации в отношении сыновей Кораха? Во-первых, пока творилась расправа над виновными, юноши взяли в руки кто лютню, кто арфу, кто цимбалы, и принялись играть и петь сладкозвучные гимны Богу. Во-вторых, сберегая своих восхвалителей, Всевышний тем самым сохранил для иудеев будущего пророка из семени Кораха. К сожалению, нам не известно, который именно из певцов стал прародителем великого мудреца.

Осталась нераскрытой еще одна тайна древности. Бог, как известно, поверг в прах имущество казнимых. Ликвидировано было и добро Кораха. Однако остается невыясненным вопрос о том, были ли уничтожены или же сохранились для потомков несметные сокровища, вывезенные Корахом из Египта и спрятанные им в секретном месте в Синайской пустыне.

В настоящее время над разрешением этой загадки параллельно трудятся теоретики талмудисты и практики археологи. Вместе с учеными, осуществляющими солидные научно-исторические изыскания, жадный и лихорадочный поиск ведут аферисты-кладоискатели.

Глава 10

Тысячелетия совместного существования женщин и муж-

чин, а также весьма тесных взаимоотношений между полами, способствовали появлению самых разных теорий и практик воздействия первых на вторых. Не подлежит сомнению факт влияния несколько эпигонского женского ума на суверенный мужской дух.

Кроме множества промежуточных, сформировались две крайние и противоположные по смыслу точки зрения. Первая: действие женщины на мужчину заведомо отрицательно. Оно подталкивает к авантюрам и оглушает. Вторая: действие женщины на мужчину заведомо положительно. Оно удерживает от безрассудств и просветляет.

Настоящая повесть служит хорошей иллюстрацией жизненности обеих точек зрения. Пусть каждый смотрит на вещи, как ему удобно, но в конечном счете окажется, что истинны те воззрения, которые имеют власть.

Любящее сердце и неусыпное попечение Орпы подтолкнули прожженного на первый взгляд Кораха к совершению одной глупости за другой. Печальный конец сей супружеской пары хорошо известен – вот первая иллюстрация.

История Бен Пелета и его многоумной жены Бат Галим демонстрирует нам, как здравомыслие хранительницы домашнего очага удержало мужа от ребячества и вернуло его на

твердую почву реальности – вот вторая иллюстрация.

Как прежде говорилось, Датан и Авирам вместе с Бен Пелетом составляли тройку фактических лидеров колена Реувена. Все трое были недовольны правлением Моше и Аарона, считая братьев узурпаторами. Кроме того, они не скрывали своего неодобрения получаемой левитами десятиной, и выражали сомнение в Божественном происхождении сего налога.

Корах начал кампанию борьбы за власть с того, что завербовал этих реуенцев. Причем, если Датан и Авирам примкнули к нему только после долгих колебаний, то Бен Пелет выказал гораздо большую лояльность и призвал друзей довериться Кораху и дать ему шанс проявить себя.

Любопытная деталь: будучи благодарным Бен Пелету за покладистость, Корах, тем не менее, проницательно отметил характерную черту своего заступника – наивность. Ибо только наивный человек мог полагать, что, в случае неудачи восстания, его застрельщики выйдут сухими из воды. Довод Бен Пелета удивлял простодушием: дескать, нам и так очень худо, потому хуже уж никак не будет.

Корах заранее наметил для троих соратников высокие должности в своей будущей администрации. Датан и Авирам сделались министрами. И третий реувенец мог бы стать вровень с первыми двумя – ведь высшему руководителю ничего не стоит изобрести достойную должность для полезного человека. К тому же, как известно, долг платежом красен, а ведь Корах весьма высоко оценил поддержку, которую ему оказал Бен Пелет во время первичных переговоров. В крайнем случае Бен Пелет получил бы пост министра без портфеля, что наверняка удовлетворило бы его честолюбие.

Однако ничего подобного не случилось. Бен Пелет выпал из поля зрения Кораха, запропастился неизвестно куда. Очень даже может быть, что Датан и Авирам радовались исчезновению товарища, ибо его отсутствие сокращало количество претендентов на высокие должности в государственном аппарате.

Разумеется, никуда Бен Пелет не пропал. Просто случился у него судьбоносный разговор с супругой Бат Галим. Резоны, которые привела мудрая женщина, были, к счастью, приняты наивным мужем. Так смекалка и благоразумие спасли от неминуемой гибели целую семью, дом и имущество.

– Большие перемены грядут в народе, женушка! – взволнованно воскликнул Бен Пелет, входя в шатер.

– Не стой у порога, дорогой, разувайся, садись у огня, ужин вот-вот поспеет! – ласково встретила мужа Бат Галим.

– Я толкую про большие перемены в народе, а у тебя на уме дела да мысли житейские! Недаром говорят, мол, женщины носят бусы и кольца и равнодушны к вопросам духовным!

– А еще говорят, дескать, мужики все на вид богомольцы, а предаются делишкам греховным!

– Ладно, Бат Галим, вижу, ты за словом в карман не лезешь. Ставь ужин на стол!

– Вот это меняет дело, муженек! Насытишься, тогда и рассказывай!

– Спасибо, славная моя. Вкусно готовишь. Вот я и сыт, теперь твоя очередь вкушать. Ты ешь и слушай мои новости.

– Конечно, вкусно приготовлено. Пробовала, когда варила и жарила. Пока ты балаболишь о вопросах духовных, я слушаю да ем.

– Кораха знаешь?

– Этого счетовода фараонова каждый иудей знает! Ловкий вор. Украл из египетской казны сокровища, что Иосиф для монарха накопил!

– Оставь в покое старьё, Бат Галим! Тут дело политическое, а политика занята настоящим и будущим, и пятна прошлого ее не тревожат!

– Не умничай, Бен Пелет. Переходи к делу.

– Перехожу. Сидели, значит, мы втроем, закусывали.

– Кто это “мы”?

– Я, Датан и Авирам. Не перебивай! Тут входит Корах. Не с пустой головой, а с дельными мыслями.

– Какие мысли этого пройдохи ты называешь дельными?

– Не перебивай, сказал! Корах вразумил нас: очень уж худо наше пребывание в пустыне. Сорок лет скитаний! Стало быть, не доживем до вступления в Ханаан!

– Грешили перед Господом, вот и наказаны!

– Чересчур сурово наказаны! А вожди наши, Моше и братец его Аарон, безропотно приняли кару. А ведь они не за себя решили, а за весь народ!

– А что ж им делать-то? Только и остается, что улыбаться да кланяться! Против Всевышнего не пойдешь!

– Зато Корах отнимет у них власть, сам станет во главе племени и сумеет смягчить Господа, и награда из этого выйдет всему народу!

– Всему народу, говоришь, награда выйдет? А Бен Пелету что выйдет?

– Эх, Бат Галим! Не дано тебе мыслить широко, по-государственному! Нет альтруизма в сердце твоём – меркантильность одна!

– Будь добр, дружок, ответь на меркантильный мой вопрос!

– Думаю, если поддержим мы Кораха, и он с нашей помощью одолеет братьев узурпаторов, то назначит нас троих министрами! Ну, теперь твоя душенька довольна?

– Пожалуй, – задумчиво ответила Бат Галим, – хотя, надо бы обдумать возможные последствия, все может случиться...

– Да, признаюсь, женушка, я очень хочу быть министром!

В этом пункте разговора возникла пауза. На физиономии Бен Пелета застыла мечтательная улыбка. Бат Галим, наевшись, кликнула слугу, чтобы унес остатки ужина. Напряженная поза женщины выражала озабоченность, и тень тревоги набегала на лицо. Наконец, она нарушила молчание.

– А теперь, министр, слушай меня вдумчиво да серьезно, чтобы до ума, до сердца, до печенок твоих дошел мой вопрос!

– Пугаешь, однако!

– Не лишне тебя, наивного, пугнуть! А подумал ли ты, что станется с тобою, да и со всею семьею нашей, коли постигнет Кораха неудача?

– Какая еще неудача? Вечно тебе опасности грезятся! Только удача нас ждет, женщина ты недалекая!

– А зачем быть далекой? Провал-то ваш близко!

– Не каркай! – отрезал Бен Пелет, но голос его стал как будто бы менее уверенным, видно, червячок сомнения зашевелился в душе.

– Мужчина ты мой премудрый, мечтатель благородный, выдумщик одухотворенный...

– Хватит подлизываться! Говори толком!

– Хочешь быть министром? Будь им! Но остерегайся власть имущих и в спор, что они меж собою ведут, не вступай, пока земля под ногами их шатка!

– И какие же теперь твои приказания будут?

– Стой в стороне и жди, чем заваруха кончится. Кто верх возьмет – к тому и примкнешь. Своей головой живи и место свое знай!

– Плоская наука! – скоропалительно бросил Бен Пелет, однако червяк внутри стал извиваться бойчее.

Снова воцарилось молчание. Бат Галим терпеливо ждала, пока остережения ее дойдут до мужа. Бен Пелет переваривал

слова жены. “А ведь права баба-то! Что же делать теперь? Я ведь обещал Кораху!” – подумал он.

– Что же делать теперь? Я ведь обещал Кораху! – спросил Бен Пелет вслух.

– Выручу тебя, недотепа, – уверенно ответила Бат Галим, – делай всё по слову моему и не перечь!

– Командуй!

– Сиди в шатре, носу не высовывай и жди, пока не вернусь!

Бен Пелет послушно уселся на лавку, облокотил локти на стол, подпер голову ладонями, и опасливые мысли зашевелились под волосами. А Бат Галим мигом придумала, как спасти мужа, себя и детей.

План Бат Галим зиждился на твердом убеждении, что птицы высокого полета, скажем, Корах или Моше, в борьбе за власть перед лицом Господа не преступят Божьих установлений нравственности. Уж эти-то люди знают, что целомудрие есть не утеха тщеславия, а суровая необходимость. Бат

Галим не убоилась распространенного мнения, будто нравственные люди – самые мстительные. В дальнейшем, и к счастью, ее смелость оправдалась, и правда подтвердилась.

Накинув на голову платок, Бат Галим отправилась в винную лавку. Купив изрядное количество вина, она поторопилась с покупкой домой.

– Пей, и пей много! – приказала Бат Галим.

– Зачем пить вино? И почему много? – задал праздный вопрос Бен Пелет.

– Ты, кажется, сказал мне: “Командуй!”

– Я хочу действовать сознательно, и вправе знать твой замысел!

– Напейся пьяным до беспамягства и спи без задних ног. И если кто и позовет тебя – не услышишь и лишнего, стало быть, не наболтаешь!

– Наливай!

Бен Пелет уснул, а Бат Галим сняла с головы платок, распустила волосы и уселась у входа в шатер. Тут показались

Корах, а с ним Датан и Авирам. Они пришли звать с собой Бен Пелета, обещавшего участвовать в восстании.

Высоконравственные Корах и его подручные, завидев у шатра женщину с распущенными волосами, не осмелились подойти близко и вынуждены были отступить. Поэтому можно сказать, что предосторожность Бат Галим, напоившей мужа до бесчувствия, оказалась излишней. В то же время ее уверенность в высоких моральных качествах бунтовщиков нашла подтверждение.

Корах и его соратники предпринимали еще несколько попыток залучить Бен Пелета, но надежно срабатывал придуманный Бат Галим способ отвадить их от дома. Довольно было распущенных волос, и даже на вино больше не приходилось тратиться. Так жена спасла мужа от участия в провальном заговоре.

Пока Корах правил, Бен Пелет не раз напоминал Бат Галим, мол, не пора ли выйти из убежища, явиться к новому начальнику над народом, придумать какой-нибудь отмаз, да попроситься на службу. Хоть министром без портфеля быть – тоже неплохо. Однако Бат Галим, сердцем видевшая будущее, всякий раз отговаривала мужа: дескать, не укрепился

пока Корах, подождать надо.

Но вот настало время расправы над мятежниками. Господу было известно о первоначальном намерении Бен Пелета присоединиться к заговорщикам. Поэтому Он намеревался казнить его вместе с прочими бунтовщиками. Тогда отчаянная Бат Галим возопила к Всевышнему: “Великий Боже! Пощади мужа моего, ведь не замаран раб Твой, не согрешил, не откликнулся на зов прекословщиков Твоих!”

Как нам уже известно, несоучастие в преступлении во все не исключает Божьей кары, а личная невинность не является достаточным условием оправдания. Однако в данном случае Господь усмотрел возможность для снисхождения, Он великодушно внял мольбе Бат Галим, и пощадил мужа ее.

Спасением от гнева Всевышнего не закончилась сложная история Бен Пелета. После казни бунтовщиков ему предстояло покаяться перед Моше и Аароном. Однако сгоравший от стыда Бен Пелет не мог решиться на такой шаг. И вновь на выручку ему пришла Бат Галим. Тщательно спрятав волосы под платком, она направилась к Моше и Аарону. Решительно постучалась в дверь шатра. Голос изнутри пригласил ее, и она вошла.

Бат Галим смело обратилась к начальнику над народом и первосвященнику. Ярко и темпераментно описала она подавленное душевное состояние мужа. Рассказала, как горько он раскаивается, как терзается угрызениями совести, как невыразимо тяжело ему прийти с повинной, и заключила горячий свой монолог тем, что самая большая мечта ее супруга – быть полезным иудейскому племени.

Отбросив гордость, Моше и Аарон сами явились к Бен Пелету. Тот встретил их слезами неподдельного стыда, принес глубочайшее покаяние и выразил немедленную готовность начать службу родине и вере.

Покаяние было принято. К сожалению, до нашего поколения не дошли доподлинные сведения о том, осуществилась ли мечта Бен Пелета, и занял ли он высокий пост. Скорее всего, министром он так и не стал – уже хотя бы потому, что Моше, в отличие от Кораха, не создавал государственный аппарат.

На склоне лет, состарившись, незадолго до конца сорокалетнего срока скитаний, лежа на смертном одре, Бен Пелет выразил дряхлой супруге своей неудовлетворение прожитой им жизнью и при этом упрекнул верную спутницу за то, что когда-то давным-давно она вселила робость в сердце его.

Немощная Бат Галим обиженно возразила старику: “Неблагодарный! Я же спасла тебя от смерти, а ведь самое дорогое у человека – это жизнь!” И тут Бен Пелет в последний раз отверз уста свои и тихо-тихо, насколько хватило слабого голоса, ответил: “Жизнь надо так прожить, чтобы, умирая, можно было сказать – все силы отданы главному в мире, служению Господу на подобающем посту. А мне – увы!”

Глава 11

Окончился непродолжительный период абсолютного верховенства Кораха. Власть вернулась к назначенным Господом владыкам народа иудейского – Моше и Аарону. Осуществив глубокий нравственно-исторический анализ пустынных метаморфоз, мудрые талмудисты пришли к заключению, что мятеж Кораха был совершенно напрасным, не во имя небес, так сказать.

Если же взглянуть на вещи не с научной, но с бытовой точки зрения, то можно, пожалуй, найти доводы в пользу восстания. Ну, например, бунт послужил остережением властвующим корыстолюбцам. Это лишь единичный пример, и легко высказать не мало иных доводов. Вообще, надо заметить, любое происходящее с людьми событие всегда является объектом как похвалы, так и хулы.

Моше и Аарон внушали народу фундаментальную мысль: “За приязнь Господа необходимо платить Ему глубоко осознанным согласием с желаниями Его, ибо не подлежит сомнению абсолютная гармония меж волей Бога и пользой для иудеев”. И пусть не говорят нам, якобы гармония есть согласие несогласного!

Демонстрация своенравия перед лицом Всевышнего и непослушание Ему чреваты утратой привилегий избранничества. Есть среди иудеев недалекие умом, которым не дано понять очевидность гармонии. Тем не менее они не желают лишаться благорасположения Господа. Дадим им простой совет – безропотно подчиняйтесь вердиктам Его!

Собирая народ в путь из Египта, назначенцы небес Моше и Аарон обещали людям скорое прибытие в благоденственную землю Ханаан, которая, как известно, течет медом и молоком. События первых месяцев после освобождения иудеев из рабства весьма разочаровали Господа. В свою очередь, наложенные Им санкции совершенно обескуражили грешников, более того, понизили меру доверия к Нему.

Тяжкие преступления иудеев против замыслов и воли Господа обнаружили их духовную незрелость. С целью исправления народа Бог назначил беглецам подобающую кару: скитаясь по Синайской пустыне сорок лет, дожидаться соб-

ственной смерти и при этом воспитывать доблестное юношество, достойное процветания в Ханаане.

Иными словами, сие означало принесение в жертву неготового к принятию Божьей благодати нынешнего поколения, и возвращение поколения нового и богоугодного. В сознании широких масс такая суровая мера не способствовала укреплению веры во Всевышнего и неминуемо вела к рецидивам язычества.

Моше и Аарон, верные ставленники Господа и проводники Его идей, принялись убеждать беглецов в неготовности поселиться в Ханаане и призывали их к осознанию собственной ущербности и к смирению с судьбой. Такое поведение начальника над народом и первосвященника было воспринято многими как предательство. Отсюда становится понятной важная причина недовольства людей – неуверенность во Всевышнем и разочарование в Его назначенцах.

Другая причина недовольства состояла в том, что условия пустынного существования были крайне тяжелы. Люди оставили сравнительно сытую жизнь в Египте ради обретения обещанных благ Ханаана, а взамен получили муки в скудной Синайской пустыне. Ухудшение вместо улучшения!

Таким образом, первая каденция Моше и Аарона вызвала

в народе мало поддержки и много протестов. Энтузиасты исхода, сего воистину смелого начинания, не достигли вождя-ленного благополучия. А ведь эти смельчаки рисковали жизнью, ибо фараон преследовал беглецов с намерением убить их! Зато приближенные к Моше и Аарону ощутили благотворную выгоду перемен.

Вследствие произошедших несправедливостей народное сознание еще более замутилось. Укрепились радикальные настроения, которые не замедлили вылиться в почти массовое протестное движение. На волне возмущения в лагере беженцев произошел перелом, и власть захватил Корах со своими приближенными – случилось неизбежное.

Что же хорошего и ценного обрели простые бойцы революции в результате перелома? Оказывается – ничего! Верно, что в лагере беженцев случились подвижки – новая метла по-новому метет. Однако свежий ветер перемен принес свежие ухудшения. Мятежники, подвергавшие свою жизнь опасности, почувствовали себя одураченными. Все выгоды переворота присвоили себе его вдохновители, которые, не исполнив обещаний, обманули свой народ.

Новое недовольство послужило интересам отстраненных от власти Моше и Аарона. Однако самостоятельными действиями они не решились возвращать утраченные позиции.

Братья обратились к Богу за помощью и получили ее сполна.

Расправа над незадачливыми путчистами была встречена ликованием простонародья, ибо отраднее теснимо видеть развенчание и муки утеснителя.

У кормила правления встали прежние владыки. Вернулись они не силою уверений не повторять былых промахов, а Божьей волей – единственно верной волей. Привычный к смене власти жестоковыйный народ быстро справился с первым ликованием, живо отряхнулся от иллюзий собственной значимости и вновь принялся роптать. Кажется, и на сей раз не без серьезных оснований. Мотивы брожения умов заслуживают рассмотрения.

Двести пятьдесят глав семей подверглись казни. Вдобавок были взяты жизни у их домочадцев – женщин и детей. Неслыханное преступление против тысяч иудеев! Кто виновен в беззаконии, кто инспирировал гнусное кровопролитие?

Догадливые из народа гневно указали на бесчестных, по их мнению, соплеменников, которые задумали совершить расправу – это Моше и Аарон. Тем, кто смело осудил винов-

ников злодеяния, ненавистен был зов к пролитию братской крови.

Пусть начальник над народом и первосвященник держат горячие речи, пусть страстно клянутся и присягают, мол, кара свершилась по велению Господа! Но пронизательную публику не обманешь – она-то знает, что ходатаями перед Всевышним были их новые, то бишь старые властители.

Лишение жизни земляков вызвало возмущение в среде сравнительно узкого слоя одухотворенных врагов рабства, покинувших Египет. Они же возражали против диктата суровых небесных законов, вернувшихся в лагерь вместе с прежними властителями. Впрочем, бескомпромиссными установлениями веры тяготилось почти всё полуязыческое иудейское племя.

Неизжитая приверженность к язычеству влекла за собою сомнения в единственности и справедливости Всевышнего. В этом состояла одна из причин недоверия к Моше и Аарону. Не удивительно, что братьев по-прежнему подозревали в узурпаторстве, а кое-кто даже решался на открытые обвинения.

В отличие от особ высокого духа, простые иудеи всё больше злобились на тяготы повседневного бытия. Они выра-

жали предпочтение сытому рабскому существованию против голодной свободы пустыни. Незрелость воображения тормозила их духовное совершенствование, закрывала душу перед внушаемыми Моше и Аароном резонами Господа, и чернь укреплялась в раздражении и недовольстве.

А теперь представим себе, каково это человеку сорок лет скитаться по пустыне, знать, что умрешь в ней, и при этом смириться с неисполненным обещанием, то есть так и не войти в землю, молоком и медом текущую? О, эта мысль слишком тяжела!

Моше и Аарон упорно пытались вселить в головы своей паствы утешительную идею – дескать, Ханаан непременно достанется следующему поколению. Не многие отцы по-настоящему пекутся о своих сынах. Только самые жертвенные из беглецов сжились с Божьей задумкой. Благодаря их подвижничеству, с тех древних времен чадолюбие вошло в кровь и плоть иудейскую.

Окидывая ретроспективным взглядом метаморфозы, случившиеся с иудеями от начала исхода до конца скитаний, мы можем отметить три случившихся переворота. Первый – из Египта в Синай. Второй – от Моше к Кораху. Третий – от Кораха к Моше.

Общее для всех трех переворотов состояло в том, что народ распадался на две неравные части. Большая часть – исполнители, малая часть – вдохновители. Каждый из переворотов приносил и выгоды, и ущербы. Львиная доля выгод доставалась вдохновителям, а остатки – исполнителям. Основное бремя ущербов несли на себе исполнители, и совсем немного перепало вдохновителям.

Вполне возможно, что случившееся на заре истории распределение выгод и ущербов меж исполнителями и вдохновителями переворотов, послужило прецедентом, которому на протяжении веков следовало и поныне следует человечество. А прецедент, как известно, увековечивает принцип.